

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 64-й

#1577

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Место убийства экс-депутата Госдумы РФ
Руслана Ямадаева Сентябрь 2008 Москва
250 метров от Белого Дома

Место убийства адвоката Станислава Маркелова и журналистки
Анастасии Бабуровой Январь 2009 Москва 500 метров
от Храма Христа Спасителя 1500 метров от Кремля

**УРОКИ
ГОГОЛЯ?**

**№2
2009**

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнцэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокушко, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкирёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Фото на обложке и на 3-й полосе: Марины Наумцевой

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом: Possev, Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-7355; fax 34-3841. http://www.posev.de E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректоры

Н.М. Михайлова

Вёрстка

М.Ю. Родионов

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 2 (1577) февраль 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
В ДНИ СОБОРА	3
ПАМЯТНАЯ ДАТА	
Владимир Юльев.	
Уроки Гоголя	4
ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
Валерий Сендеров.	
Несколько относительно новых слов о демократии и о России	6
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Сергей Маркедонов.	
«Русский вопрос» и его решение на Северном Кавказе в постсоветский период	10
Тимур Боярский.	
О реформировании ООН	15
Татьяна Артёмова.	
Я выбираю ветер	18
Нина Иващенко.	
Взрослая болезнь кривизны	23
МОСТЫ В ПРОШЛОЕ	
Полина Реутова.	
Советская школа 1920-х годов в письмах учителей к Крупской	28
Арлен Блюм.	
Главлит на страже КГБ	34
Антон Васильев.	
Журнал русской славы	39
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
Борис Бедросьян.	
Пейзажи в творчестве художника Дмитрия Евтушенко	41
КНИГИ И ЛЮДИ	
Друзья и читатели «ПОСЕВА»	
поздравляют	43
«Две России XX века»	43
Сергей Базанов. Верные долгу	44
Виктор Леонидов.	
Олег Ильинский (1932–2003)	45
Последний солагерник Солженицына	46
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
«Имена России, художники, чуть-чуть о газе, и ещё о важном»	47

19 апреля 2005 года, в разгар помпезных празднований «60-летия победы Советского Союза в Великой Отечественной войне» в Санкт-Петербурге было запланировано устройство большой мусорной свалки в районах Синявино и Гайтолово (юго-восточнее города, сегодня – территория Кировского района Ленинградской области). Это места боёв времён II мировой войны, особенно кровопролитных для РККА в августе – сентябре 1942 года, когда маршевое пополнение перемалывалось как в гигантской мясорубке.

После войны никто «пропавших без вести» в районах Гайтолово и Синявино не хоронил.

17 января нынешнего года в администрации Санкт-Петербурга сообщили: «Никаких непохороненных солдат в районе Синявино и Гайтолово нет, потому что их могилы официально не внесены в перечень официальных захоронений. Следовательно, они не существуют».

Ситуация резко изменилась благодаря распространившемуся в Интернете и др. средствах массовой информации письму петербургского кинодокументалиста Виктора Правдюка, автора девятистосерийного проекта «Вторая мировая: день за днем. Русская версия». Темой мгновенно заинтересовались федеральные телеканалы, журналисты, депутаты местных органов законодательной власти. Письмо было направлено и в военно-мемориальный центр Генерального штаба.

Из письма Виктора Правдюка:

«Ко мне в рабочую комнату пришли “Три богатыря”. Помните? С картины Васнецова...

Микула Селянинович – в чём душа держится, женщина на девятом десятке лет, в жёлтом пальто, купленном, очевидно, ещё в семидесятые годы прошлого века. Историк Изольда Анатольевна Иванова. Только что за счёт энтузиазма и совести Изольды Анатольевны вышла из печати книга “Синявино”. Осенние атаки 1941–1942 годов”. На страницах книги редкие уцелевшие в кровавых боях солдаты вспоминают о своей войне, которая значительно отличается от маршальской, генеральской и от брехливых сводок “Совинформбюро”.

Илья Муромец – Александр Владимирович Чупров, слепой. Зрение потерял при взрыве мины, когда участвовал в поиске непогребённых воинов Волховского фронта.

Алёша Попович – Александр Николаевич Сутягин, известный эксперт-эколог, выступивший в неожиданном амплуа, обработавший кипу архивных документов о погибших солдатах, которые до сих пор лежат в районе урочищ Гайтолово и Тортолово Кировского района Ленинградской области.

Наших не похороненных – там – десятки тысяч!

Три богатыря, пришедшие ко мне, ведут борьбу против создания громадной городской свалки на солдатских костях...

Кратчайшая дорога к Неве от Гайтолово – Мги шла через Синявинские высоты, которые были сверхтщательно укреплены противником. И наши бездарные кулики и мерецковы укладывали здесь одну дивизию за другой. Немецкие пулемётчики сходили с ума, нуждались в психологическом отдыхе, настреливая за день горы трупов. На что надеялись советские военачальники с комиссарами во главе? Что расплавятся стволы немецких пулемётов? Но у немецких пулемётных расчётов были запасные стволы...

Конечно, павших после этих гиблых атак не хоронили и не пытались хоронить. По оценкам групп фонда “Поиск”, лежат там, между Гайтоловым и Мгой около ста тысяч наших солдат. Можно было бы привести десятки свидетельств, подтверждающих эти страшные цифры...»

24 января 2009 года в Кировске состоялся протестный митинг, на который пришли несколько сот местных жителей и поисковики, занимающиеся розыском и захоронениями павших. Так, например, только один студенческий отряд «Ингрия», которым руководит начальник учебного центра военной истории Петербургского университета Евгений Ильин, поднял за восемь лет 1581 солдата. В итоге обе администрации – и городская, и областная – пошли на попятную.

Свалки не будет.

Двести лет назад, 20 марта (1 апреля) 1809 года родился Николай Васильевич Гоголь.

Владимир Юльев

Уроки Гоголя

«Русскую литературу от романтизма излечил один человек. Это был Гоголь». Допустим, Бродский прав. Тогда, говоря о Н.В. Гоголе, прежде всего, необходимо представлять себе, что мотивы поведения подданных Российской империи в девятнадцатом веке весьма отличались от нынешних. Современники Гоголя достаточно четко знали свои обстоятельства: к какой цели они идут, для чего готовятся и учатся, что будут иметь в результате. Официальная статистика сообщала населению правду, о которой вынуждена была жужжать даже какая-нибудь «Северная пчела».

Такие порядки держались благодаря внутренним связям общества, скрепленного здравым смыслом и трезвым расчетом собственника-гражданина. Эти приводные цепи после 1917-го года постепенно были изношены. Их заменил любимый клич мате­рого социалиста Бенито Муссолини: фашизм – это... героизм и святость!

Наш человек почти перестал задумываться над тем, что с ним будет после окончания текущего этапа подготовки и переподготовки по любому не совсем понятному и общеполитическому проекту, или сообщать, зачем, только что обогнавши Верхнюю Вольту, быть в числе трети научных работников от их общемирового количества. Поэтому российские гении прошлого обречены на непонимание потомков, хотя и не испытывают недостатка в их любви.

Цель этих уроков – помочь именно пониманию. Вот факты из реальной самостоятельной жизни Николая Гоголя с 1828 по 1852 годы.

1828. В конце года девятнадцатилетний Гоголь, отказавшись от крепостного наследства на Украине, приезжает в Петербург. Он хочет научиться жить собственным трудом. Естественные устремления честолюбивых юношей, – в литературе это Рас­тиньяк, Мартин Иден и другие, – пользуясь своими способностями и доступными ходами, познако-

миться с влиятельными людьми и добиться соответствующего положения. Одним словом, «дайте мне этот мир, я его понимаю!»

1829. Разведка в столичных лабиринтах, дополнительное образование, а к зиме – устройство на госслужбу.

1830. Гоголь узнает, что в другом департаменте наклеивается место повыше, переходит туда и вскоре получает следующую должность. Да, талантливые чиновники востребованы. Гоголь работает по учету имущества, собирает практическую информацию, учится необходимым объемному прозаику систематизации материалов и многодневному писательству. Служи он так в последней четверти своего века, то со своими способностями мог бы, наверное, изобрести перфокарту. Тогда в информационной революции США и Россия поменялись бы местами. Двести лет назад гениальность личности могла выявляться уже у двадцатилетних. Потом впечатления службы и талант пера сложатся в самые пронзительные повествования о жизни российского чиновничества.

Появляются первые заметные публикации писателя.

1831. С помощью новых друзей Гоголь устраивается по линии министерства просвещения. Его служащие до октябрьского переворота на деле пользовались большими преимуществами, имели более высокие звания и быстрее продвигались. Знакомство с Пушкиным. В это же время ровесник Гоголя, внук фабриканта фарфора Ч.Р. Дарвин получает в Кембридже степень бакалавра теологии и отправляется в пятилетнюю кругосветную экспедицию на паруснике «Бигль».

До 1834 года Гоголь преподает историю в институте гимназического типа, всерьез изучая ее и близкие дисциплины. Выходят «Вечера на хуторе близ Диканьки», создаются «Тарас Бульба» и другие повести.

Гоголь пытается добиться кафедры в «целинном», новом Киевском университете. Там, со своими столичными известностью и связями он предвидит начало грандиозной карьеры – за пятнадцать-двадцать лет через посты руководителей университета и округа до министра и, при удаче, канцлера. Выше в России одно – наследственная власть царя. Очень похожие случаи в XX веке в США – добившиеся высших должностей для иностранцев по рождению Киссинджер и Бжезинский. Однако начальство в Киевском округе, почуяв опасность от блестящего выскочки, срывает назначение Гоголя.

* Владимир Юльев родился в Москве, начиная с 1972 года освоил около десяти профессий. Принимал участие в создании первых автоматизированных систем управления страной. С конца 1970-х – в оппозиции ко всем структурам коммунистического режима. «Русским бизнесом» занимался с начала 1980-х. В 1990-е был помощником Н.Н. Воронцова (1934–2000), ученого-эволюциониста, ученика Н.В. Тимофеева-Ресовского, академика Королевской Шведской академии наук – номинанта Нобелевской премии, эколога и борца за прекращение испытаний ядерного оружия, бывшего беспартийного министра СССР и российского депутата, вместе с вице-президентом США Альбертом Гором руководившего межпарламентской экологической ассоциацией GLOB International. Вместе с Воронцовым В. Юльев занимался общественной деятельностью и проблемами образования и науки.

1835. Профессор в довольно бесперспективном для продвижения Петербургском университете. В столице работает и научный коллега Дарвина Карл Бэр, памятник которому в Тарту схож со старым московским памятником Гоголю.

После карьерного сбоя «центр тяжести» своей деятельности Гоголь переносит на литературу, вернее, на главное средство массмедиа эпохи – театр. Он начинает двигать в дело свой стратегический резерв, энциклопедию службы, все, что пригодилось бы на первой стезе, первому после вождя, главе кабинета, «Томасу Мору» московского уезда. Черета служивого люда будет тянуться по классной лестнице от «Записок сумасшедшего» и «Женитьбы» до утопии второго тома «Мертвых душ» и инструкций «Переписки». В ней читателям и миру во всей гениальной простоте, без патетики, словесных виньеток и изысков, раскроется неподдельное уважение Гоголя к идеальному частному человеку, честно исполняющему служебный долг или должность на своем, а не на чужом месте...

1836. Сотрудничество в пушкинском «Современнике». Весна – канун премьеры «Ревизора», в Александринском театре и при главном зрителе, российском императоре.

При прямом прочтении пьесы в ней не найдешь, кроме упоминания о греховностях, слов о Боге, религии, церкви, нет намек на высшую силу, не считая суеверий. Эпиграф – «на зеркало неча пенять, коли рожа крива!» И автор говорит:

Кого боитесь? – Себя боитесь! Точнее, своего отражения.

Кто живет как быдло, обдывая темные делишки? – Сами так живете!

Кто не хочет правды, честности, совести, свободы, равенства, демократии? – Сами не хотите!

А кто виноват? – Сами виноваты!

И так далее.

Страх и враждебность уездных владык вызываются всего двумя теориями – информации и эволюции. Страшит возможность, что наверху или в центре, где такие же, как и они сами, с такими же умениями и реакцией, узнают районный компромат; страшат еще... «вольтерьянские» умствования о сотворении мира. А в остальном им черт не брат. Смелые люди дураки!

Гоголь сознает, что выше творца такой сенсации здесь не прыгнешь. Оглушительная пощечина российскому рабству – это потолок. И пусть никто не вспомнит какого-то канцлера, даже самого умного «бета-самца» популяции! Впереди – только завоевание мирового признания или славы в Европе. Время паковать чемоданы. Да и то сказать, плохо жить в России с существующими начальниками, а с Хлестаковыми еще хуже получается...

1836–1839, 1840–1841, 1842–1848. Путешествия по загранице постепенно приводят к пониманию, что лучше быть первым на родине, чем ...тым в мире. Изучение мировой культуры.

1839. Гоголь лично встречается с Белинским. Ч. Дарвин публикует описание путешествия на «Бигле», а затем, в течение шести лет – пятитомный отчет о нем, где есть много идей будущего «Происхождения видов». В 1840-е годы в Англии и Германии первые книги про эволюцию печатают и другие авторы.

1841. «Возраст Иисуса Христа» и начало проповедничества. Письма, ставшие главами «Выбранных мест из переписки с друзьями». По смыслу – служение богам или высшим неземным силам. Статья вровень с великими, а если можешь, то выше – и умереть на вершине. Духовное честолюбие, замкнутое на себя, практически безвредно для окружающих. А намеки на то, что «явление Христа народу» и выход ксендза к приходу – совсем не одно и то же, явно полезны для всех. В погоне за эмоциональной насыщенностью Библии – вторичность.

1842. Появление первого тома «Мертвых душ». Еще один, решающий удар по тому рабству. Плохи и мелки чиновники на Руси, им самим тоже несладко, «правительство огромная шайка воров», но те, кто непосредственно живут трудами своих рабов, совсем никудышные.

Знакомиться с запрещенными книгами и говорить об этом в России могли очень мужественные и сильные люди. Случайно или нет у Гоголя-гимназиста встречается название «Всякая всячина», известное благодаря полемике русских просветителей XVIII века – определить сложно. «Крестьянин в законе мертв», – слова таможенного начальника, коллежского советника, автора и героя знаменитого «Путешествия» А.Н. Радищева, как писателя опередившего свое время и по истокам близкого Гоголю. Кстати, в радищевской эпопее есть рассуждения о рубле и полушке (копейке), «бабенках» и т.п. При жизни Гоголь не рискнул поведать обо всем том, что отразил в своей поэме.

1847. Белинский и Гоголь – «битва титанов». За истину или нет?

Последняя глава приуроченных к десятилетию трагической гибели Пушкина «Выбранных мест из переписки с друзьями» называется «Светлое воскресение». В ней, вместе с реминисценциями чаадаевских «Писем», есть и такие мысли:

«Лучше ли мы иных народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” – вот что мы должны всегда говорить о себе...»

Уже во второй половине века двадцатого брата Стругацкие, под прикрытием фантастики описывая реальную историю одной из империй зла, высказались примерно так. Мы не одни во Вселенной, в ней много планет и цивилизаций. На одних планетах живут лучше чем мы, на других хуже, но нигде не живут глупее...

1851. «Время собирать камни». На сцене, где играли «Ревизора» – премьеры комедии К. Прутковы «Фантазия». Один из персонажей, Фемистокл

02/2009

Мильгиадович Разорваки, человек отчасти лукавый и вероломный, родом из Нежина, лучше всех понимает поэзию. Спектакль запрещен Николаем Первым за авангардизм. В пьесе «парадировалась» часть сюжета второго тома «Мертвых душ». Ремейк шел «вперед паровоза»...

В США еженедельник «Новая эра» печатает «Хижину дяди Тома» набожной учительницы Г. Бичер-Стоу. Америка прощается с рабством. В ближайшее десятилетие фанатичный последователь Христа Джон Браун атакует арсенал Хаперс Ферри и будет повешен, а Линкольн станет президентом...

Заканчивается первая часть «эры Гоголя». Следующую последователи продолжают намного эволюционнее, с Гоголем и Дарвином в руках*. И прыжок Подколесина, и «радость» Поприщина по ту сторону ума, и речь генерал-губернатора из второй части «Мертвых душ» – только первые попытки противопоставить необъятному болоту пошлого коррупционно-продажного рабства свободное открытое общество. Пожалуй, между трезвыми патриотами России и нормальными патриотами, скажем, Испа-

нии или Луны разница невелика. «И, по мне, шмагина глины не знатней орангутанга».

1852. Предав огню рукопись продолжения «Мертвых душ» и завещав освободить двух рабов, в Москве умер Николай Васильевич Гоголь. Предположительно от брюшного тифа. Далее бессмертие. Спустя годы знаменитый историк сожжет последнюю часть своей римской истории – гибель Рима. Так он его любил.

Недолог век жизни локальной литературы. Греческая – между Эсхилом и Менандром. Протяженность следующей, римской, около того. Несколько сот лет европейско-американской избилуют провалами и ухабами. Русская идет волной от Пушкина и Гоголя, скручивается после выплеска «Тихого Дона» и рассыпается брызгами прибоя у кромки двадцатого столетия.

Мы попытались увидеть путь Гоголя. По праву первенства он наше всё.

Тургенев, Некрасов, Достоевский, Лев Толстой, Добролюбов, Чехов, Блок, нынешние «союзники пера и орала по коктейлю Гоголя»... Шинель Держинского оказалась ворованной. Долго ли носиться гоголевской «Шинели»?

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Валерий Сендеров

Несколько относительно новых слов о демократии и о России

Кажется, на эту тему сказано уже все возможное. Одними о том, что Россия – страна как страна, не хуже и не лучше других. А значит, и к демократии, как все нормальные страны, вполне даже расположена. Другие, напротив – клеймят нашу вечную рабскую психологию: «В этой стране ничего хорошего нет и не может быть». Третьи тоже утверждают, что не может, но... гордятся этим: «Таков наш особый русский путь».

Мы имеем, таким образом, все три логически возможные концепции: 1) Мы – как все; 2) Мы особые, и это зло; 3) Мы особые, и это благо. Все три концепции стократ переговорены, пережеваны, и я вряд ли бы мог добавить что-либо новое к любой из них. Цель этой заметки – сказать несколько слов, которые ни в одну из трех концепций вполне не укладываются. Но для начала не избежать все-таки кратко высказать свое отношение к трем доминирующим подходам.

Тезис «страна как страна» критики не выдерживает. Весь его пафос – в попытке выдать желаемое за действительное, апологеты русской «демократической обычности» даже и не пытаются свою точку зрения исторически обосновать. Они либо ссыла-

ются на доисторические новгородские времена (ссылка и по существу сомнительная, но не это главное), либо надергивают отдельные факты из разных веков, благочестиво закрывая глаза на их непредставительность и случайность. Либо – третий вариант: «Россия всегда стремилась к свободе, да только проклятое самодержавие давило». Это уже не юмористическая ссылка на Новгород: звучит правдоподобно. Посмотрим, верно ли это по существу.

Ярчайший пример террора власти – Иван IV: он духовно опустошил, выпотрошил страну, жизнь в России надолго замерла. Сравним, однако, его подвиги с деяниями современных ему западных государей. За все «преступления» Иван казнил около 50 000 человек. Английский король Генрих VIII за одно только бродяжничество – более 60 000. Перейдем к Франции: ей одна только Варфоломеевская ночь обошлась в 80 000 жизней.

Такие факты дают основания для разных выводов. В контексте наших рассуждений важен один из

* См. Н.Н. Воронцов "Развитие эволюционных идей в биологии", гл. 9, ч. 5

них: политическая жизнь на Западе от подобных ужасов даже не приостанавливалась – в отличие от политической жизни послеивановской Руси. Все там шло, как это ни чудовищно звучит, как прежде. Своим чередом.

Мы, кажется, естественно перешли ко второй концепции: «Мы хуже всех других». Давайте разберемся и в ней. Не будем особенно теоретизировать: взглянем вместо этого на один из хорошо известных ключевых исторических эпизодов.

1825 год; в Петербурге разгромлена дворянская пугачевщина. Ее планы сочетали якобинскую кровожадность и еще новый тогда для мира тотальный шовинизм: они включали и поголовное вырезание царской семьи, и высылку из России неугодных революционерам народов. Пустое молодежное прожектерство, несерьезный треп «меж лафитом и клико»? Как сказать... Был еще памятен XVIII век, когда полки перед дворцом в момент междуцарствия не раз решали судьбу страны.

Следствие идет неторопливо, «прикосновенные», чья вина под вопросом, освобождены без суда. Вердикт же по отношению к виновным однозначен: по точному смыслу законов казни заслуживают все. Однако... учитывая... Суд разделяет преступников на разряды и приговаривает к смерти лишь первый, злейший: около ста человек. Пятеро же главных злодеев поставлены вне разрядов: на виселицу потянула бы и десятая часть преступлений любого из них.

Решение царя стало неожиданным для многих: он отчеркнул в приговоре пять «внеурядных» имен. «Больше смертей не будет». А дальше... Дальше произошло малоценное, на мой взгляд, событие: в столице не оказалось палача. За долгие предыдущие десятилетия казнить в России просто-напросто разучились. Кого-то все-таки удалось разыскать, и один из казнимых даже в этом успел углядеть презренную российскую отсталость. «Несчастливая страна, повесить не умеют!» Такие вот последние слова – предсмертное завещание нераскавшегося злодея.

Взглянем теперь на современную николаевской России Европу. Не на Испанию (в ней лишь в середине века перестанут сжигать еретиков). И не на Италию (сравните условия тюремного содержания известного всем Овода – они списаны компетентной Войнич с итальянской реальности – и современных ему русских террористов; разница впечатляет). Это все-таки отсталые страны. Взглянем на Британию. Это символ законности, передовая страна. И вешать в ней умеют. Например, восьмилетних детей за пустяковую несколькопенсовую кражу. Гуманное общество этому не ужасается. Оно цивилизовано и понимает: закон есть закон...

К относительно новым словам, которые обещаны в заголовке, я еще и не перешел: сказанное только что говорится в патриотической публицистике нередко. И с легко угадываемым выводом: «У них, допустим, закон, ну а у нас – высшая человече-

ность». Но я бы не стал с этим заманчивым итогом спешить. Пролитаем еще век, посмотрим на двадцатый. В России, в Кремле – новые «цари». Человечности у них поубавилось, а никакого правового иммунитета против них у общества нет. В Англии же в век тоталитаризмов насвистывали немудреную, так восхищавшую Джорджа Орвелла песенку: «А здесь это не пройдет, / Не пройдет и не проедет, / Кто ни пробуй, ни пытайся – / Не пройдет никак».

Суть не в том, что считать лучше, важнее: гуманность или законность, экономику или культуру. Это просто разные характеристики развития, состояния; страна может быть уникальной по одному из этих «параметров» – и слабой, действительно неразвитой – по какому-либо другому. С наивными выводами «мы лучше» или «мы хуже» никогда не стоит спешить.

О третьей концепции – «особого пути» – я много говорить не буду. Я и так часто о ней пишу: это – опасная концепция. Именно вследствие своей правдоподобности. Поэтому сейчас – всего несколько слов.

Действительно: путь во многом особый. Но пролегает он не по евразийской пустоши. И не по выдуманному идеологами в XIX веке «Третьему Риму». Наш путь, при всех необходимых при таком выводе оговорках, – по континенту «Европа». И ручательством за это – наше главное достояние: великая культура XVIII–XIX веков. Это русско-европейская культура. Не случайно «патриоты» отрицают либо игнорируют наши имперские века: последовательный изоляционист просто вынужден от них отречься. А значит – отречься от доступной реальному восстановлению великой России.

Но все-таки... В нашей и в европейской истории прошлого тысячелетия есть одно существенное качественное различие. И очень странно, что так редко обращают внимание на него.

*«Слоистое» общество
и общество гомогенное*

Что становится обычно предпосылкой демократического будущего страны? «Славная революция», как в Англии? Или во Франции: Фронда, Генеральные штаты, третье сословие, вырывающее права у короля... Многим наверняка придут в голову именно подобные картинки. Что ж, психологически это естественно: борьба низов с верхами часто зрелищна, эффектна. И немудрено, что именно она становится обычно темой кинематографа и литературы.

В действительности же *вертикальные* конфликты предпосылкой демократии практически не являются. Силы в них заведомо неравны, и потому конфликты такие – не *правовые*, а *силовые*. Лишь после внушительной силовой победы низов заключается наконец договор, фиксирующий и закрепляющий достигнутый успех. Но акт о капитуляции в войне – сомнительная предпосылка правового развития и парламентаризма.

Предпосылкой демократии служат обычно конфликты *горизонтальные*: это когда примерно равные по силе общественные группы «толкаются» друг с другом. Съесть соседа желательно, но практически невозможно. Войны ведутся, разумеется, – но шанса на окончательную победу в них у сторон нет. И потому выход один: переговариваться. Договариваться между собой. Эти переговоры фиксируют не глобальные успехи: «Вчера не было парламента – завтра даешь!» А десятки и сотни различных деталей. Важных для средневекового сознания. Хотя для сегодняшнего порой – странных и курьезных.

Вот один пример. Уже в раннем Средневековье в Европе окреп бюргерский слой, который можно назвать «городским рыцарством». Это были богатые горожане, желавшие во всем подражать знати: носить «элитную» одежду, устраивать турниры, балы. Рыцарские качества этих бюргеров были, к слову, не бутафорскими: «городские рыцари» и на поле боя настоящим подчас не уступали.

Казалось бы – в чем проблема? Кто помешает сегодня скоробогачу завести у себя на вилле любой Версаль? Разве что приглянувшиеся титулы он не все скупит... Но по-иному было устроено средневековое сознание, средневековый мир. В этом корпоративно-иерархическом мире все было вопросом привилегии, права: средневековые хартии вольностей как раз и фиксировали «вольность» носить длинную шпагу и роскошный плащ. А как быть, если носить их хочет не имеющий должных прав?

К тому же с зазнавшимся нахалом ты то и дело встречаешься на одних улицах. Плотность городов в Европе, например, XV века – 1 город на 100 (в Германии) или на 200 (в Швейцарии) кв. км. Нарисуем для наглядности на карте сетку, сторона квадрата – 10 км. В центре каждого квадрата – город...

Здесь ежедневно сталкиваются интересы. И престижные. И материальные: дворянские и бюргерские усадьбы – в окрестностях города. Чересполосица – все рядом.

И в России вчерашний мужик мог уже при Петре заполучить землю, крепостных (и в свирепости тотчас дать сто очков любому дворянину). Но земля эта была – уральская, при заводская. До ближайшего дворянского имения – далековато... Интересы не соприкасались, и лишь соображения чистой гуманности заставляли князя Щербатова и других возмущаться бесчинствами нуворишей.

Но «бюргеры дерутся с дворянами» – это хотя бы естественный, понятный конфликт. И внутри каждого «крупноблочного» слоя тоже бывали десятки конфликтов: скажем, борьба за привилегии между корпорациями, цехами. А бывали и совсем странные общественные слои. Можно ли представить себе в качестве самостоятельного слоя бюрократию городского масштаба? Которая противопоставляет себя крестьянам, дворянам, бюргерам, императору, становится при этом мощной силой,

добивается своего? Выглядит, пожалуй, бредятиной. Но именно такой силой бывали городские магистраты – оторвавшиеся от бюргера-избирателя и мало зависимые от вышестоящих властей.

Вот еще пример горизонтальных конфликтов и договоров: император и ландфрид (то есть, объединение, сотоварищество – дворян и городов). Мы не оговорились? Как мог император быть одной из фигур «горизонталей»? Оказывается – мог. Император Священной Римской империи нередко нуждался в военной помощи ландфрида. По отношению к нему он выступал покровителем, «сверху». А также, одновременно – одним из членов, то есть, рядовым. И обращаться к сотовариществу он мог в любом из этих двух качеств. Мог просить помощи в качестве покровителя. В этом случае, по договору, утвержденному императором-покровителем, ландфрид имел немало юридических зацепок, чтобы просителю отказать. И тогда император, в качестве рядового члена ландфрида, просил помощи у своих сотоварищей. А отказать обиженному, угнетенному сочлену ландфрид, по своим договорам и уставам, уже не мог.

Все это напоминает юридические казусы и анекдоты наших дней. Сегодня такие ситуации распутывают (и запутывают, если это необходимо клиенту) профессиональные юристы. Так же обстояло дело и в Средние века. По Европе бродили буйные толпы школяров, они не только пили шнапс, бегали за девушками и дрались на дуэлях. Образованные люди тоже были одним из важных общественных слоев. Многие из них как раз и готовились стать юристами, эта профессия была востребована уже полтысячелетия назад.

На Руси образованность была явлением другого порядка. Книжник ассоциируется у нас – и совершенно правильно – прежде всего с ученым монахом. Монастыри же были средоточием духовной жизни, а не местом для разборки мирских тяжб. Были и мирские «ходатаи по делам», они могли написать челобитную в кабаке. Вопрос о том, знали ли они законы, владели ли изощренной юридической аргументацией, звучит несерьезно.

Из всего этого можно сделать разные выводы. «Вот, у нас шла духовная жизнь, а они – совершенствовались в склоках». Большая часть нашего общества рассудит сегодня именно так. Другая часть, значительно меньшая, придет к выводу о нашей обреченности: демократия важнее всего, у нас же ее нет, так сказать, с запасом прочности... Но мы уже договорились в начале статьи – избегать категоричных оценочных суждений. Мы исследуем конкретный вопрос: глубинные метаисторические предпосылки демократии в русском и западноевропейском мирах. Ясно, что понятие «демократия» проживает не на «главных высотах»: речь идет не о религии, не о духовности, не о культуре. Но нашим читателям не нужно доказывать и то, что демократия России все-таки сегодня необходима.

Вернемся к Западной Европе. Неужто конфликты в ней так вот по-вегетериански всегда и разрешались – с пером в руке? Нет, конечно. Средневековые междоусобные, внутренние войны в Европе нашу разинщину по жестокости превосходили. Но эти войны были, по гораздо более поздней формулировке, «продолжением политики иными средствами». В них заключались самые головокружительные, чисто «парламентские» коалиции. Богатые горожане или среднее дворянство могли войти в союз с крестьянскими вожаками. Против среднего по отношению к ним слоя: многочисленного, укрепившегося мелкого дворянства или городской бедноты.

История везде писалась мрачновато. Разины и пугачевы сдирали кожу с живых «угнетателей», с их жен и детей... Только по невежеству можно видеть в этом специфически русское зверство: европейские бунты были столь же *беспощадны*. Но вот *бессмысленны* они не были: до и после восстаний, и в ходе восстаний – каждый участник имел в них свои интересы, стремился добиться своего.

По бессмысленности же бунтов мы воистину рекордсмены – если сравниваться со странами, лежащими западнее нас. Русские бунты не имели никакой социальной цели (нельзя же замену плохой царицы ее достойным супругом за таковую считать). Либо вдруг проклевывались цели глобальные: всех уравнять, все поделить.

(Впрочем, такие попытки бывали и на Западе. Но на Западе все слои обрушивались на хилиастов. И расплющивали их: сегодня обо всех этих адами-тах и альбигойцах мало кто, кроме историков, и помнит.)

Можно очень долго говорить о сословном дроблении Западной Европы; как обстояло дело у нас? Дворянство и крестьянство, духовенство, купечество... Но на Западе, если рассуждать «крупными блоками», слои были эти же. Может быть, мы просто не знаем собственной истории?

Что ж, не будем доверять своим непосредственным литературно-общегуманитарным ассоциациям. Возьмем в руки представительный документ. В середине XVIII века воцарившаяся Екатерина вздумала созвать «совещательный парламент» – Большую комиссию. Целью царицы было внимательно выслушать нужды народов и сословий, населяющих страну. Для этого необходима была максимально возможная «дробность» – именно то, что интересует нас в этой статье. И к дробности, дифференцированности стремились. Уже выборы в Комиссию произвели впечатление на современников: несколько «избирательных участков» в одном Петербурге – это было новостью в те времена.

Дробление же по сословиям выглядело так: делегаты были – от дворянства; духовенства и представителей различных правительственных ведомств; от городов; от однодворцев и пахотных солдат; от военных элементов окраин; от инородцев.

Новы здесь, с точки зрения наших общеисторических представлений, лишь пахотные солдаты (своего рода вольные землепашцы, что-то вроде однодворцев – иногда побогаче, но без дворянского титула). Ясно, что погоды эта добавка не делает. И более тонкой дифференциации в России, по-видимому, просто не существовало. Вдумаемся, в свете написанного выше, какой бессодержательной нелепицей было бы на Западе делегирование «от родов в целом» или «от дворянства вообще».

Все это, в некотором смысле, *свободные* сословия: локальных, горизонтальных конфликтов и связей между ними нет. Нет почвы для сельско-городских сотовариществ различных слоев. На Западе же трансформация принципов таких сотовариществ как раз и была, по оценке авторитетных историков и правоведов, основным условием развития права...

Русская же жизнь регулируется исключительно сверху; сверху же насаждается и понятие права. И, как ни странно, делается это небезуспешно: в начале XX века мы видим уже заметные ростки посеянного. Но это было – на порядки меньше, чем нужно бы для противостояния смуте...

Откуда эта кардинальная разница в развитии? в чем ее причина? Не будем вдаваться в метафизические предпосылки, ограничимся географически. Представим себе теперь не западный – а русский город; вот кто-то едет к нему. Это не сосед-конкурент: по степи так запросто не поездишь. Да многие жители города и не ведают толком о бесконечно далеком соседнем... Кто же там маячит в степи? Посланец от надежи-Государя (вестник Абсолютного Добра)? Или вражеский лазутчик (Абсолютное Зло)?

Это вовсе не картинка из тмутараканских времен. Крымские набеги грозили России еще в XVIII веке.

Вертикали, вертикали... В мышлении, в социальном устройстве, в религиозном чутье... И иного прошлого у нас просто нет.

Здесь вспоминается известный спор между Пушкиным и Чаадаевым. Мыслитель сетовал на однообразие, бесцветность русской истории. «Я бы не хотел иметь другую», – возражал поэт. И напоминал о величии отечественного прошлого. Мы победили поляков, отгородили Европу от татар; позднее – явился великий Петр... Что ж, правы, пожалуй, оба; они просто говорят о разном. Но с точки зрения наших рассмотрений – прав Чаадаев. Ведь для формирования правовых, демократических представлений важны не великие победы. А базарная, если угодно, многоголосица и пестрота.

Выводы из всего сказанного достаточно очевидны. Хотя они, может быть, и шокируют многих. У нас считается сегодня, что диалог общества с властью – единственный путь. Но ведь по этому пути мы идем уже полвека. Кроме этого диалога, у общества и нет других забот. То оно ведет диалог на кухне, вполшепота. То – когда власть позволит – хули-

02/2009

ганит на площадях¹. Что ж, это хорошо, когда у власти удается что-нибудь вырвать... Но только к демократии это отношения не имеет. Путь к ней лежит через горизонтальный диалог. *Общества с обществом.*

Если конкретно: я предложил бы, в качестве морального патента на неодицидность, один не-

сложный тест. Хочешь, чтобы звучали внушительно твои рассуждения на демократические темы? Так добейся прежде, чтобы лифт в твоём подъезде не превращался в сортир. Путин с Медведевым в этом не в помощь. Понадобятся эти вот самые, столь необходимые нам, горизонтально-демократические контакты и договоры...

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Сергей Маркедонов

«Русский вопрос» и его решение на Северном Кавказе в постсоветский период

«Русский вопрос» на Кавказе: новая актуализация

Серия трагических событий в Ингушетии в 2006–2007 гг. снова актуализировали «русский вопрос» на Северном Кавказе. Летом 2006 года от нападений и поджогов пострадало более десяти русских семей на территории Республики Ингушетия, убита заместитель главы администрации Сунженского района Галина Губина (которая занималась программой возвращения русских в республику). В ночь на 16 июля 2007 года в центре станицы Орджоникидзевская Сунженского района было совершено убийство 55-летней учительницы Людмилы Терехиной и двух ее детей. Во время похорон жертв этого злодейского убийства 18 июля 2007 года произошел взрыв, ранения получили более десяти человек. В 2004 году правительство Ингушетии начало реализовывать специальную программу по возвращению русскоязычного населения, которое вынуждено было покинуть республику в начале 1990-х годов. Однако за последние годы в республику вернулось около 500 человек.

К сожалению, проблемы русских в одном из самых сложных регионов России остаются сегодня вне фокуса внимания. Отечественные правозащитники, как правило, весьма чувствительные к проявлениям ксенофобии этнического большинства в российских мегаполисах, практически не заметили трагедии в станице Орджоникидзевская в июле 2007 г. Эта трагедия в отличие от эксцессов в Ста-

врополе и в Кондопоге не стала предметом оживленных дискуссий и споров. Впрочем, в начале 1990-х гг. российские правозащитники фактически «просмотрели» выдавливание русского населения из Чечни, Ингушетии, других северокавказских субъектов федерации. Два года назад в одном из интервью Лидия Графова, председатель Форума переселенческих организаций (влиятельной российской правозащитной структуры, занимающейся проблемами беженцев и временно перемещенных лиц, начиная с 1990 г.) сделала очень простое признание: «Мы виноваты перед русскими беженцами из Чечни. Мы – это в целом правозащитное движение. Именно с нашей подачи общественное сострадание замкнулось только на чеченцев. Это, наверное, заскок демократии – поддерживать меньшинство даже ценой дискриминации большинства».

Если же говорить о представителях российского «патриотического движения», то их отношение к «русскому вопросу» на Северном Кавказе можно определить следующей формулой: «Много слов и бравады – мало конкретных дел». Увы, но за весь постсоветский период те политики и общественные деятели, которые позиционировали себя, как защитники «русского дела» так не сделали ничего реального для помощи тем, кто не по своей воле оказался вынужденным оставить места своего проживания. Ни программ социальной реабилитации и социальной адаптации, ни эффективного правового консультирования для «кавказских русских» на уровне гражданского общества сделано не было. Вся помощь им была ограничена ура-патриотической пропагандой в печати и выдвижением нереалистичных проектов (типа создания Терской казачьей области на территории северокавказских национально-государственных образований). Что же касается государства, то российские власти (как в начале 1990-х гг., так и сегодня) предпочитают хранить молчание по данному вопросу, поскольку в ином случае при-

¹ Разумеется, в современной отечественной истории бывали выходы на площадь и не из хулиганских побуждений. Например, 19–21 августа 1991 года в нашей стране – создание живого кольца вокруг Белого дома, вопреки чрезвычайному положению, провозглашённому ГКЧП, и в качестве реакции на него. И многие наши читатели, наверняка, смогут привести свой подобный пример. — *Прим. Ю.С. Цурганов.*

* Автор – заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук. Текст для публикации в журнале «Посев» передан автором.

дется признавать собственные провалы и ошибки, а также расписываться в собственном бессилии или же некомпетентности.

Между тем, «русский вопрос» на Северном Кавказе требует не разговора для «проформы», а содержательного обсуждения, которое могло бы иметь как академическую пользу (проблема недостаточно изучена современными политологами), так и прикладное значение (сегодня многие интеллектуалы и политики в регионе считают русских необходимым «интернационализирующим» и «модернизирующим» элементом).

Русские на Кавказе в новейший период: история без заблуждений

Прежде всего, нам следует отказаться от некоторых не вполне корректных оценок. Наиболее распространенным заблуждением (тиражируемым из публикации в публикацию) является представление о том, что «исход русских» из республик Северного Кавказа начался после 1985 г.

С одной стороны с этим тезисом трудно спорить. Эмпирические данные говорят о количественной «дерусификации» региона. В межпереписной период (1989–2002 гг.) только количество русского населения Адыгеи осталось практически на том же уровне, что было до распада СССР. В Северной Осетии (которую считают, в том числе, и на официальном уровне российским форпостом) русское население значительно сократилось (в 1989 г. русские составляли 29,9% населения республики, а в 2002 г. их количество стало равняться 23,4%). Одними из самых «дерусифицированных» республик Северного Кавказа являются Ингушетия и Чечня. В Ингушетии в межпереписной период (1989–2002 гг.) численность русских сократилась в 6,5 раз

Начиная с 1991 года, Чечню покинуло более 200 тыс. представителей русского этноса. В столице Чечни Грозном по данным на 2005 г. русских осталось всего 500 человек (не считая чиновников). В Кабардино-Балкарии, начиная с 1992 года, число выезжающих русских неизменно стало превышать количество новоприбывших. В 1993 году республику покинуло 17 252 чел., в 1994 г. – 15 094, а в 1995 г. – 14 951 чел. В межпереписной период в Карачаево-Черкесии русские из первой по численности этнической группы (42% населения в 1989 г.) стали второй (33,6% в 2002 г., для сравнения количество карачаевцев в 2002 г. стало 38,4%). В Дагестане русское население сократилось на половину (10% населения в 1989 г. и 5% в 2002 г.)

Однако нельзя игнорировать тот факт, что русские стали покидать Кавказ еще до горбачевской перестройки. В 1970-е гг. численность русских в Чечено-Ингушетии сократилась на 8,4% (в городах на 4,4%, а в сельской местности – на 19,6%). Таким образом республику еще до начала разного рода «контртеррористических» операций покинуло почти 100 тыс. чел. (с 1959 по 1989 гг.). С конца 1970-х гг. наметился отток русского населения из

КБР (с 1979 по 1989 гг. удельный вес русских сократился с 35,1% до 32%). Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, «национализацией коммунизма» в республиках и автономиях тогдашнего СССР. До 1980-х – начала 1990-х гг. партийное и советское руководство в республиках Северного Кавказа было сосредоточено, главным образом, в руках «русских кадров». Однако второй и третий эшелоны партхозноменклатуры активно замещались «национальными кадрами». Известный исследователь истории Чечни XX столетия Жабраил (Джабраил) Гакаев говорит о формировании чеченской «постдепортационной» номенклатуры в 1960–1970-е гг. Процесс «национализации» затронул и интеллектуальную элиту.

При этом наряду с получением высшего образования и научных степеней новые интеллектуалы быстро усваивали и националистические воззрения (которые было довольно удобно прятать под марксистско-ленинской фразеологией о «национально-освободительной борьбе» против «России-тюрьмы народов», а также о борьбе «народов Кавказа против белоказачества» в годы гражданской войны). Достаточно вспомнить, что в период конца 1980-х – начала 1990-х гг. интеллектуальными вожаками этнонационалистических движений Кавказа стали студенты и аспиранты гуманитарных факультетов «застойного периода». Конфедерацию горских народов Кавказа возглавил экс-преподаватель научного коммунизма Юрий (Муса) Шанибов. Идеологом сепаратистского движения в Чечне стал поэт Зелимхан Яндарбиев, выпускник филфака университета им. Л.Н. Толстого. Одним из лидеров карачаевского движения «Джамагат» стал преподаватель философии Казбек Чомаев.

Некоторые негативные тенденции сам Кремль «застойных лет» и провозгласил. Среди них «приватизация власти» региональными национал-коммунистическими элитами, стремление националистически настроенной интеллигенции к государственному самоопределению. Преференциальная национальная политика «партии и правительства» с одной стороны формировала предикаты национальных государств (в форме ЦК республиканских компартий и обкомов автономий), а с другой воспитывала их будущих идеологов (посредством создания льготных условий для «национальных кадров»). В период «перестройки» и политической либерализации и середины 1980-х гг. национальная партхозноменклатура начала конвертацию «пролетарского интернационализма» в этнонационализм и собственность. Уже в 1985 году при проверке Адыгейского обкома КПСС по линии «партийного контроля» обнаружилось, что руководство Адыгейской АО Краснодарского края сосредоточило в высших эшелонах области до 80% представителей «титупной нации».

Во-вторых, выезд русского населения за пределы Северного Кавказа был детерминирован процессами сложной интерпретации (не столько офи-

циальной, сколько «повседневной») сталинских депортаций и реабилитации «наказанных народов». При этом необходимо вести речь об интерпретациях с двух сторон.

В-третьих, важным фактором «дерусификации» региона стало формирование «раннекапиталистических отношений» в рамках советской командно-административной экономики (подпольный характер которых обеспечивал преимущества кланово-родственным структурам). По словам Георгия Дерлугьяна «на менее индустриализованном и соответственно менее советском Кавказе теневые капиталисты возникли задолго до распада СССР и давно срослись с местными властями, помогая бюрократии конвертировать ее административную власть в денежное богатство и оседаемые материальные блага. Этничность играла в этой системе стержневую роль – во-первых, распределение управленческих должностей происходило в соответствии с советской национальной политикой (в Чечено-Ингушетии этот принцип нарушался местной номенклатурой); во-вторых, коррупция требует скрытности и взаимных обязательств, что намного легче достигается внутри своего этнического круга».

Таким образом, еще задолго до «перестройки» «русский вопрос» оказался в «повестке дня». Однако КПСС, прикрываясь официальными мифологемами о «дружбе народов» и «интернационализме», не пыталась не то, чтобы понять, а хотя бы проанализировать этот политический вызов. Например, массовые выступления русских в Грозном в августе 1958 г. были интерпретированы, как проявления «контрреволюционности» и «великодержавного шовинизма». В ходе судебных разбирательств был осужден 91 участник акции. Официальная власть ни на уровне ЦК, ни на уровне обкома КПСС не попыталась дать строгий объективный анализ сложившейся ситуации, ограничившись повторением хорошо знакомых пропагандистских клише.

«Русский проект» vs. «парад суверенитетов»

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в условиях политической либерализации «русское движение» на Северном Кавказе стало одним из проявлений процесса этнонационального «возрождения». Практически во всех республиках региона активисты «русского движения» пытались найти свою альтернативу новым политическим и социально-экономическим реалиям. Во время борьбы за «суверенизацию» Адыгеи депутаты майкопского городского совета, а также районных советов Майкопского и Гиагинского районов активно выступали против выхода тогдашней Адыгейской АО из состава Краснодарского края, а также против утверждения т.н. «паритета» (пропорционального представительства в республиканском парламенте адыгейцев и «всех остальных»). В начале 1990-х гг. неказачье движение в Сунженском районе тог-

дашней Чечено-Ингушетии объявило свои права на спорный Пригородный район. Они обосновывали свои претензии необходимостью восстановления справедливости, нарушенной большевистской политикой «расказачивания». Более того, неказачи выступали за воссоздание Сунженского округа, как «автономной административной единицы» (существовавшей в 1921–1928 гг.).

Для характеристики современного казачьего движения мы используем термин неказачество. Использование данной конструкции представляется нам правомерным по нескольким причинам:

- между «историческим» казачеством и движением за его «возрождение» прошел период почти семидесятилетнего «перерыва»;

- казачество как интегрированный социум (паттерн для «возрождения») прекратил свое существование на территории России в 1920 г. после ликвидации казачьего сословия и казачьих войсковых структур и территориальных образований;

- «историческое» казачество претерпело значительные изменения, вызванные как последствиями революций, гражданской войны, эмиграции (1917–1920 гг.), так и большевистской политикой расказачивания и коллективизации. Оно утратило свои имманентные социальные, экономические, политические, военно-полицейские функции;

- исходный социум оказался «разбросанным» практически по всем социальным группам советского общества (рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция, военнослужащие);

- единственной основой для идентификации потомков казаков Российской империи как представителей казачества осталась «мобилизованная память».

Значительной политической роли неказачье движение в Чечено-Ингушетии не сыграло. Убийство атамана Сунженского отдела Терского казачьего войска Александра Подколзина (7 апреля 1991 г.), а также столкновения между ингушами и казаками в ст.Троицкая Сунженского района тогдашней Чечено-Ингушетии (27–28 апреля 1991 г.) способствовали не политической активизации, а выезду русского населения за пределы Ингушетии. В результате столкновения в ст. Троицкой было убито 5 человек, 53 получили ранения. В 1992 г. неказачи поддержали руководство Северной Осетии в его конфликте с Ингушетией. В Карачаево-Черкесии (КЧР) представители «русского движения» выступили наиболее активно. Они даже провозгласили самостоятельные «казачьи республики». По словам атамана Баталпашинского отдела Всекубанского казачьего войска (на сентябрь 2004 г.) Павла Запорожца, провозглашение казачьих республик стало ответом на «парад суверенитетов» национально-государственных образований.

В августе 1991 г. в местах компактного проживания русских был проведен опрос населения о создании казачьей республики и почти 65% опро-

шенных ответили положительно. 10 августа в Черкесске была провозглашена Баталпашинская республика, а 17 августа 1991 г. была провозглашена Зеленчукско-Урупская республика (на территории Зеленчукского и Урупского районов). В декабре 1991 г. казачий круг даже провозгласил восстановление Баталпашинского отдела в границах 1917 г. (тогда этот отдел входил в состав Кубанского казачьего войска). Впоследствии в Зеленчукском районе в течение полугодия продолжалось двоевластие (атаман, избранный казачьим кругом, и назначенный официальной властью Карачаево-Черкесии глава местной администрации). Таким образом, на территории КЧР в течение полугодия действовало «непризнанное государство». Вопрос о присоединении Урупского и Зеленчукского районов к Краснодарскому краю даже рассматривался на заседаниях крайсовета Кубани, но был отложен с формулировкой «вернуться к рассмотрению вопроса» в случае обострения межэтнической напряженности. По словам одного из лидеров неказачьего движения в КЧР Николая Ляшенко, активисты русского движения в КЧР «объявили Зеленчукско-Урупскую казачью республику. Создали свое правительство, свой Верховный Совет. Я лично возил эти документы в Верховный Совет, встречался с Хасбулатовым, с Ельциным... С кем мы только не встречались. И все, все спустились на тормозах».

В Кабардино-Балкарии в самом начале 1990-х гг. активисты «русского движения» выступали за «сецессию» районов с компактным проживанием русских (Майский и Прохладненский районы). В 1993 г. лидеры «русского движения» Кизлярского и Тарумовского районов не раз обращались к властям Дагестана с просьбой восстановить казачье самоуправление в двух северодагестанских районах, а также прекратить миграцию горцев. В июне 1993 г. неказачи Кизлярщины обратились к российской федеральной власти с просьбой о создании отдельного национально-государственного образования на Севере Дагестана. Кизлярский горсовет выдвинул инициативу о придании двум северодагестанским районам «полномочий особой социально-экономической зоны с учетом реабилитации казачества и возрождения его традиционных методов хозяйствования». Перечисленные выше факты (и это еще далеко не все) вовсе не формируют картину тотальной пассивности русского населения региона. А впереди еще будут попытки укрепления неказачьих структур, лоббирования идеи создания особого субъекта РФ – Терской области (особенно эта идея становилась популярной с началом чеченских военных кампаний в 1994 и в 1999 гг.).

Вместе с тем, следует признать, что нигде на Северном Кавказе не получилось «второго Приднестровья», а русские проекты (начиная от казачьих республик, и, заканчивая попытками создания миграционных «кордонов») не увенчались успехом. Выезд русского населения из республик Кавказа

к середине 1990-х гг. значительно интенсифицировался. Весьма показательным в этом плане изменение политического языка представителей «русского движения» на Кавказе. Язык требований был полностью вытеснен языком просьб и прошений. Красноречиво свидетельствует об этом Обращение жителей станицы Ассиновская Сунженского района президенту России Борису Ельцину, подготовленное в мае 1994 г.:

«В течение двух последних лет с приходом чеченской полиции на территорию ст. Ассиновской царит полнейший разбой, грабеж, нет общественного порядка, полный произвол, безвластие, бесконтрольность... Два года тому назад русское население казачьей станицы было 7 тыс. 200 чел., а в настоящее время русского населения осталось 2 тыс. 400 чел. За эти два года те, кто имел возможность, покинули родные места, а оставшаяся часть населения не имеет материальной возможности выехать, и над оставшимся населением продолжают разбои, грабежи, есть случаи изнасилования».

Русские на Северном Кавказе: камо грядеши?

Так почему же у русских не получился свой «парад суверенитетов»? Во-первых, «русское движение» не смогло найти ни стратегических, ни ситуативных союзников. Казалось бы, в начале 1990-х гг. у русских и ногайцев на Северном Дагестане было немало точек соприкосновения (дошло даже до провозглашения Казачье-Ногайской республики в ноябре 1990 г.), однако стремление поставить «чистоту крови» выше прагматизма сыграло с «русским проектом» злую шутку. Русские активисты на Кавказе не смогли оценить и до конца понять статусную эволюцию в регионе. Русских перестали рассматривать как «старшего брата». Более того, по отношению к ним стали преобладать реваншистские настроения. В данной ситуации «русский проект» не должен был строиться как изначально конфликтный. Увы, но в начале 1990-х гг. он стал именно таким. Ставка на такие исторические символы, как казачество и апелляция к славному прошлому «рыцарей Терека» отталкивала от «русского проекта» и таких потенциальных его союзников, как осетины или те же ногайцы. Увы, но «русский проект» оказался слишком «историчным». Он был обращен не в будущее, а в прошлое. Такое обращение не имело ни малейшей перспективы, поскольку процесс советизации затронул русское население Северного Кавказа гораздо более глубоко, чем «титовские» этнические группы. Весьма интересное наблюдение автор настоящей статьи зафиксировал, интервьюируя вынужденных переселенцев из Ингушетии (проживающих сегодня в Орловской области). По словам бывшего жителя Карабулака Александра Мирошниченко, «в школьные годы мы, бывало, дрались с ингушами и чеченцами. Так вот мы были в этих драках не вооружены. Мы и понятия не имели, что мы – казаки. Меня воспитывали, как пионера, комсомольца (отец Мирошниченко

02/2009

был профсоюзным деятелем – С.М.). А они дрались с нами именно, как с казаками». Следовательно, мобилизация «казачьей истории» изначально превращала «русский проект» в конфликтногенный, а к масштабному конфликту лидеры «новых казаков» были не готовы. Достаточно почитать репрезентативный сборник материалов и воспоминаний о «возрождении казачества», подготовленный Алексеем Озеровым и Антоном Киблицким (в нем собраны документы за 12 лет деятельности «нового казачества»), где подробнейшим образом освещаются события 1991 года на Сунже (убийство атамана Подколзина и столкновения в станице Троицкая). Ни в 1991 г., ни позже активисты «русского движения» не были готовы перейти некий «порог жертв».

Во-вторых, активисты «русского движения» оказались не готовы (почему – другой вопрос) к использованию правозащитного языка. Сделав акцент на этничности (только в отличие от республиканских этнократов на русской этничности), они не смогли вписать нарушения прав русских в общий контекст нарушений прав человека в России. Не смогли они апеллировать и к гражданскому национализму как противовесу разного рода «этнобесию» (термин Льва Аннинского). Все это сделало «русский проект» неконкурентоспособным в борьбе с этнократическими элитами Северного Кавказа. В этой конкуренции русские лидеры уповали на помощь Москвы. Начиная со времен колонизации Степного Предкавказья в конце XV столетия, русские привыкли ощущать себя «авангардом империи». Начиная с 1991 года, такого сигнала (равно и никакого другого) Москва не стала посылать. Лишенные поддержки сверху (и административной, и идеологической, и материальной) русские движения оказались не в состоянии противостоять региональным кланам (которые могли рассчитывать, во-первых, на фактор этнической и кровно-родственной солидарности, а во-вторых, учитывать интерес Кремля). Федеральный центр, не заинтересованный в полноценной интеграции региона, ограничиваясь лишь внешним контролем за северокавказским «административным рынком», был готов не к тому, чтобы патронировать «русском проекту», а к поддержке региональных бюрократических кланов. «Русский проект» оказался не в ладах и с демократией. Воспринимая политическую либерализацию и демократизацию, как причину снижения социального статуса русских, лидеры «русского движения» не учли, что с помощью демократии они могли бы противостоять этнократической «приватизации власти» в республиках Северного Кавказа. Вместо этого многие из них предпочли, начиная с середины 1990-х гг. пойти на службу этнократическим режимам, получить свой кусок «властного пирога» и свести «русскую проблему» к достойному представительству своей этнической группы у руля власти и при дележе республиканского имущества. Таким обра-

зом, многие лидеры «русского проекта» были готовы бороться не против принципов этнократии, как таковых, а лишь против «не нашей этнократии».

Против «русского проекта» сработала и экономика. Крах советской индустрии (в которой и было занято большинство русского населения), и как следствие, закрытие крупных заводов и целых отраслей, массовые сокращения также способствовали тому, что многие русские оказались в положении аутсайдеров, были вынуждены искать лучшей доли за пределами Кавказа.

Таким образом, русские на Северном Кавказе не получили системной поддержки со стороны собственных лидеров, сделавших ставку на защиту их гражданских и политических прав. После 1995–1996 гг. «русский вопрос» стал вопросом выживания, превратившись в гуманитарную проблему (скорее, человеческую проблему маргиналов – одиночек) «Русский проект» не стал программой по вхождению русских кавказцев в новые социально-политические и социокультурные реалии. Не стал он и современным ответом на современные же вызовы. Вместо этого были на свет божий извлечены исторические воспоминания о том, как генералы Засс и Бакланов гонялись по горам за имамом Шамилем. Следствием стала «дерусификация» Северного Кавказа. Процесс опасный, если принять во внимание несколько факторов. Во-первых, русские в наибольшей степени были втянуты в такие сферы, как фундаментальная наука, технологичное производство. Во-вторых, они в гораздо меньшей степени (по объективным причинам, т.к. многие из них имели не слишком большой стаж проживания в регионе) были втянуты в систему кланово-родственных отношений. В-третьих, в условиях полиэтничного региона и сильного укорененного «культы этничности» русские могли бы стать «цементирующим» элементом на Кавказе. Процесс «дерусификации» опасен и тем, что внутренние «эмигранты» начнут (и многие уже начали) сведение счетов с представителями «кавказской национальности». Примеров тому мы можем найти немало в новейшей истории Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской области, где вчерашние беженцы из Грозного, выходцы из Кизляра и Моздока, Прохладного и Черкесска занимают вакантные должности в милиции и в администрации. Таким образом, «русский вопрос» Северного Кавказа экспортируется вглубь страны.

Однако «русскую проблему» Северного Кавказа невозможно разрешить без преодоления сложившегося регионального апартеида (Кавказ для кавказцев, Кубань для казаков, Москва для москвичей), партикуляризма местной власти и национализации власти федеральной. До тех пор, пока российская власть будет напоминать огромный бюрократический рынок, о правах человека и гражданина (русского в Грозном или чеченца в Москве) можно будет забыть!

Тимур Боярский

О реформировании ООН

ПЛАТЯТ ОДНИ, А ЗАКАЗЫВАЮТ МУЗЫКУ ДРУГИЕ

О реформировании Организации Объединённых наций говорят столько времени, сколько она существует. Даже больше, потому что раньше говорили о преобразовании Лиги наций. В сентябре 2005 года Генеральная ассамблея ООН приняла итоговую декларацию саммита, в которой говорится о необходимости реформирования ООН. Подобные попытки возникали и раньше. В 1992 году Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали даже приступил к реформе. Однако всё, что ему удалось сделать ограничилось увольнением 14 высокопоставленных чиновников ООН и ликвидацией не то 10, не то 12 международных структур, персонал которых не знал точно, чем ему следует заниматься. И это, несмотря на то, что в проектах реформирования недостатка не было. Сам Бутрос Бутрос объявил, что их было 22. Ни один не осуществился.

Острота проблемы с годами не снижается, а возрастает. ООН становится всё более и более громоздкой организацией, с настолько низкой эффективностью деятельности, что часть самых радикальных государственных деятелей обнаруживает весьма опасные мысли, вроде того, что ООН только имитирует активность, и неспособна выполнять собственные резолюции, а трибуна ее используется не для выполнения устава, а для его непрерывных нарушений.

Действительно структура ООН сложна и запутана. В ней можно заблудиться, как в лабиринте. На территории Нью-Йорка она не помещается, и потому её учреждения расположены и в Вене, и в Женеве, и даже в Найроби. Это не удивительно – Лига Наций имела годовой бюджет 7 млн. долларов США, а бюджет ООН в 2007 году только 2,2 млрд.

Важнейший орган ООН – совет Безопасности. Но о нём чуть позже. Сначала о менее значительных организациях.

Управления и департаменты ООН наползают друг на друга и переплетаются вместе. Они трутся между собой боками и друг друга дублируют. При канцелярии Генерального секретаря существуют и активно работают:

- управление служб внутреннего надзора;
- управление по правовым вопросам;
- департамент по политическим вопросам;
- департамент по вопросам разоружения;
- департамент операций по поддержанию мира;
- управление по координации гуманитарной деятельности;
- департамент по экономическим и социальным вопросам;

– департамент общественной информации, куда, кстати говоря, входит странная секция по Палестине и деколонизации.

Если бы я захотел – нет, не проанализировать, а только перечислить структурные подразделения каждого из этих управлений и департаментов, конца этой статьи не было бы никогда. И перечислить все возникающие в связи с их деятельностью вопросы тоже нет никакой возможности. Например, кому помешал вооружаться департамент по вопросам разоружения за годы и десятилетия своего существования? Ни ХАМАС, ни ХИЗБАЛЛА, ни Исламский Джихад, ни сотни других таких же бандитских организаций, не повернут даже головы в сторону этого департамента, преумножая свои вооружения, и, не собираясь останавливаться на этом пути. Резонный вопрос – если каждый обладатель бороды может вооружаться без каких-либо ограничений, тогда зачем этот департамент существует? – останется без ответа.

Однако и это только фасад ООН. В её недрах скрывается множество ещё так называемых специализированных органов. Их 18. Это ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения, знаменитый орган – ЮНЕСКО, не требующий расшифровки, МББР – Международный банк реконструкции и развития, МВФ – Международный валютный фонд, МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии, которое годами не может разобраться, в какую сторону развивается атомная программа Ирана, и так далее вплоть до Международного почтового союза.

Есть в ООН 5 научно-исследовательских институтов, таких, например, как Международный учебный и научно-исследовательский институт по улучшению положения женщин, есть экономический и социальный совет, в состав которого входят 5 региональных отделений, есть Совет по опеке, есть Международный суд, есть множество комитетов и подкомитетов.

Нет такого государства, у которого не было бы к ООН претензий. Десятки резолюций Совета Безопасности ООН не выполняются теми, кому они адресованы. Самый разительный пример – это проблема нераспространения (или наоборот распространения) ядерного оружия.

12 мая 1968 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила договор о нераспространении атомного оружия. На тот момент им располагали США, СССР (правопреемник – Россия), Великобритания, Франция и Китай. Прошли годы, и список удлинился, пополнившись Пакистаном и Индией. А есть ещё и Израиль, который по этому вопросу не

02/2009

говорит ни «да», ни «нет» (однако известна аналогия – если женщина не отвечает ни «да» ни «нет», это означает «да»). Прошло ещё несколько лет, и опасения мировой общественности обратились к ядерному оружию Северной Кореи и Ирана. Можно задать себе вопрос: а если бы не было Договора о нераспространении, список ядерных держав был бы большим, или меньшим?

Правильный ответ: он был бы точно таким же, потому что при разработке этого документа ООН подложила в него мину замедленного действия. Я имею в виду статью № 10 Договора о нераспространении:

«Каждый участник настоящего Договора в порядке осуществления государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за 3 месяца всех участников Договора и Совет Безопасности ООН. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает, как поставившие под угрозу его высшие интересы».

Эта статья сводит значение Договора о нераспространении к нулю.

Любой начинающий дипломат за 5 минут напишет документ, в котором любые международные события будут оценены таким образом, что станет ясно – высшие интересы его страны находятся под смертельной угрозой.

Недавно грузинским продавцам предложили освободить московские рынки. Я не знаю, присоединилась ли Грузия к Договору о нераспространении атомного оружия, но, если присоединилась, то разве нельзя написать, что вынужденный уход с московских рынков ведёт к проблемам со сбытом апельсинов и мандаринов, что ставит под угрозу высшие национальные интересы Грузии.

И это не единственный пример. Подобных анекдотов в деятельности ООН множество. Скажем в 2001 году США лишились места в Комиссии ООН по правам человека. Эту комиссию в те времена возглавляла Ливия, которая никогда не отличалась образцовым отношением к правам человека. Наоборот, она отличалась государственной поддержкой международного терроризма и массовым нарушением гражданских прав собственных граждан. В 1979 году комиссию возглавил Иран, в 1975 году – Пакистан, в 1981 году – Бразилия. Если ориентироваться в соблюдении прав человека на Иран и Ливию, может быть, лучше вообще обходиться без такой Комиссии?

В 2005 году Госдепартамент США сформулировал задачи по реформе Организации Объединённых Наций. В соответствии с этим документом, в частности, предполагается, что количество стран – членом Совета Безопасности ООН возрастет с 15 до 25, а число его постоянных членов увели-

чится с 5 до 11. При этом предполагается, что 2 новых постоянных члена будут от Африки, два от Азии, 1 от Европы и 1 от Латинской Америки.

Есть и другие проекты реформирования ООН.

С 1 января 2007 года в главной международной организации новый Генеральный секретарь. Любой новый руководитель всегда производит то или иное реформирование хозяйства, которое находится в зоне его ответственности. Но пока этого не произошло, у каждого есть право вносить свои предложения. Хочу воспользоваться этим правом.

На западном побережье Африки находится государство Сьерра Леоне. К нему мы чуть позже вернёмся, а пока обратим внимание на его национальный девиз: «Единство, свобода, справедливость». Возьмём его на вооружение.

ООН объединяет 192 государства. Считается, что все они равноправны. Но только 5 из них являются постоянными членами Совета безопасности ООН. У них равноправия больше. Поэтому они имеют больше возможностей оказывать влияние на мировые события. Это Россия, Великобритания, Китай, Франция и США.

По какому принципу избирался Совет безопасности? Можно предположить, что по количеству населения той или иной страны? Но, оказывается, нет – не по численности. Индия по этому показателю – 1080 млн. человек – занимает второе место в мире, не являясь членом Совета безопасности. А вот в Великобритании население составляет 59,8 млн. то есть в 18 раз меньше, но это не помешало ей занять место среди постоянных членом Совета безопасности раз и навсегда. Так по каким критериям попадают в Совет безопасности ООН?

Может быть, по валовому внутреннему продукту – показателю, который является главным экономическим индикатором любой страны? Но тоже нет. Япония, которая по ВВП – это 3,5 триллиона долларов в год – занимает 3-е место в мире, не является не только постоянным членом Совета безопасности, но даже и переменным.

В таком случае, может быть, по размерам ежегодных взносов на содержание ООН? Но тогда, почему Россия, которая вносит в год 26,9 млн. долларов, является постоянным членом Совета безопасности, а та же Япония, которая вносит 372,6 млн. и находится на втором месте после США по этому показателю, не стала даже непостоянным членом?

Остаётся предположить, что в постоянные члены Совета безопасности избирают те страны, у которых больше ядерных боеголовок и средств для их доставки к месту назначения. Теперь сопоставим это с государственным девизом, который мы взяли на вооружение. Ключевое слово в нём – справедливость. И насколько справедлив такой принцип?

Интересный вопрос? Очень интересный, но он не единственный.

Годовой бюджет ООН – 2,2 млрд. долларов США, складывается из членских взносов стран членом ООН. Наибольший взнос у США – 493,1

млн долларов или 22,0%. Наименьший, у государства Бенин – 22,0 тысячи долларов в год. Это – 0,1%. Ровно столько же у вышеупомянутого Сьерра-Леоне. Поскольку это всего 1,9 тысяч долларов в месяц, или 63 доллара в день, то его хватает, я думаю, только для бесплатного кофе, который подаётся персоналу постоянного представительства этих государств во время заседаний Генеральной Ассамблеи и всевозможных постоянно действующих органов ООН. Если ограничиться примером этих трёх государств, можно прийти к выводу, что размер взносов на содержание ООН зависит от размеров ВВП. В США – это 12,5 триллионов долларов – больше всех в мире, в государстве Бенин – 7,9 млрд. долларов. Может быть, у кого-то есть и меньше, но я такого государства не знаю. Однако и этот вывод будет неправильным, достаточно сопоставить между собой две страны, к которым лично я имею наибольшее отношение – Украину и Израиль.

В Израиле ВВП – 164 млрд. долларов в год и он платит в ООН – 9,3 млн. долларов. В Украине ВВП – вдвое больше – 349 млрд. – но она платит в ООН только 1 млн. долларов. Почему? Загадка.

А вот Индонезия, население которой 241 млн. человек, является непостоянным членом Совета безопасности. И ВВП у неё 801 млрд. долларов – в 5 раз больше, чем у Израиля, а её платёж в ООН – 3,6 млн. – почти в три раза меньше. При этом Израиль никогда не был не только постоянным, но и временным членом Совета безопасности ООН. Так, где же та самая справедливость, которая является ключевым словом?

Может ли так быть, чтобы Япония, взнос которой, как уже упоминалось, 372,6 млн. долларов и государство Бурунди, взнос которого 22,4 тыс. то есть в 1760 раз меньше, пользовались в ООН одинаковыми правами?

Так быть не может, но так есть. К чему это может привести?

Теоретически возможно, что тот же Иран, объединит вокруг себя сто стран, похожих на Бурунди, и на Генеральной Ассамблее ООН предложит резолюцию, которая будет предусматривать необходимость обрушить войска ООН на Соединенные Штаты Америки. Если не хватит решимости подвергнуть такой угрозе США, то для ненавистного Израиля вполне хватит. И не только предложит, но и обеспечит для неё большинство голосов.

Во всех государствах мира, за исключением, может быть Кубы и Северной Кореи, где не знают, что это такое, самый распространённый принцип, которым пользуются при создании акционерных обществ и других, устойчивых к внешним воздействиям организаций, это зависимость количества голосов в руководящем органе от размеров учредительного взноса. Если учредителей два, но один из них внёс в учредительный фонд две тысячи долларов, а другой только одну, то и голосов в руководящем органе у 1-го будет два, а у 2-го только один. Если бы такой принцип был положен при создании структур ООН, тогда России пришлось бы уступить своё место в Совете безопасности кому-нибудь другому, потому что она вносит в бюджет ООН всего 26,9 млн. долларов, то есть только 1,2% от общей суммы.

А в постоянные члены Совета безопасности попали бы:

США (22,0%) Япония (16,6%), Германия (8,6%), Великобритания (6,6%), и Италия (5,5%). Список непостоянных членов Совета безопасности был бы тоже совсем другим. И сколько бы не объединялись между собой те государства, которые вносят в ООН суммы близкие к нулю, они никогда ни по количеству голосов не перевесили бы тех, кто вносит в этот бюджет основные суммы, и не смогли бы принять ни одной антиизраильской или антиамериканской резолюции. Не нужно с порога отмечать этот принцип. По резолюциям Генеральной Ассамблеи, Совета безопасности и других органов ООН средства из её бюджета направляются в ту или иную сторону, вплоть до использования войск ООН в миротворческих войсковых операциях. Поэтому главным спонсорам ООН далеко не безразлично, на какие проекты будут использоваться их деньги. Впрочем, это только один из вариантов реформирования ООН, и я понимаю, что он не безупречен.

Может быть, стоило бы пойти путём создания универсальной формулы, в которую были бы включены такие элементы, как численность населения, ВВП, взнос в бюджет ООН и ещё некоторые из тех, которые считаются решающими при определении места того или иного государства в мировом рейтинге. Конечно, российский представитель в ООН заявит, что количество боеголовок, тоже нужно учесть. И, я думаю, что с этим следовало бы согласиться. Но с тем, что сейчас, согласиться никак нельзя.

КАППЕЛЬ И КАППЕЛЕВЦЫ

2-е изд., испр. и доп. – М.: Посев, 2007. – 718 с.

Вторая книга серии «Белые войны» посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. В основу книги легли архивные документы и воспоминания, дневники офицеров частей Волжского корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева.

Отдельную часть книги составили работы современных историков.

Цена – 450 р.

Татьяна Артёмова

Я выбираю ветер

О ВЕЛОСИПЕДИСТАХ, ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПЕРЕМЕНЕ КЛИМАТА

Северные этюды

В конце позапрошлого года меня позвала Скандинавия, и с тех пор не отпускала все четыре сезона. И всякий раз, так или иначе, встречи и путешествия касались экологической безопасности, энергосбережения, а значит, борьбы с переменной климата во всех ее проявлениях.

Вначале, еще прошлой зимой была Дания. Два датских министерства – Министерство энергетики и окружающей среды вместе с Министерством иностранных дел пригласили небольшую группу российских журналистов посмотреть, как страна готовится к будущему саммиту по климату, который нынче пройдет в Копенгагене. (Этой теме была посвящена публикация в 12 номере «Посева» за 2007 год «О романтике и инерции восхождений»).

Потом, в Финляндии открылась сессия Хелкома (Хельсинской комиссии по защите Балтийского моря). И пропустить ее было нельзя, потому что как раз этим летом 2008-го года Россия стала председателем Хелкома. Одновременно в финской столице прошли консультации международных экологических общественных организаций перед встречей с экспертами компании «Норд Стрим», которая строит газопровод на дне Балтийского моря от российского Выборга к немецкому Грайфсвальду. Мы готовились в самое ближайшее время всерьез обсуждать с экспертами «Норд Стрим» многочисленные сомнения и тревоги НКО разных стран, оказавшихся в зоне влияния будущего газопровода. И это были предварительные международные консультации. Мы с коллегами и друзьями тоже были среди тревожившихся. (Подробнее об этом читайте в следующем номере журнала в статье «Заколдованный заповедник»).

Летом, как обычно, мы ездили на велосипедах «где-нибудь в бассейне Балтики». На этот раз «где-нибудь» оказалось Аландскими островами.

Осенью, в сентябре по приглашению Международной сети «Друзей Земли» в составе Российской экологической делегации я участвовала в Европейском социальном форуме в шведском городе Мальмё.

Так что перед вами обзор некоторых «околоэкологических» событий по впечатлениям очевидца.

Аланды

Нынче можно отпраздновать своеобразный юбилей одной интересной затеи международного «зеленого» сообщества. Десять лет назад впервые отправилась вокруг Балтики международная экологическая движущаяся конференция. То есть, люди на велосипедах, озабоченные состоянием Бал-

Татьяна Артёмова

тийского моря, решили посмотреть своими глазами, что же с ним происходит-то. И по пути обменивались опытом своих проблем и достижений в местах остановок. С того года летние велоакции общественных экологических организаций в балтийском бассейне стали постоянными. Я участвовала в них третий раз. На этот раз мы отправились на Аландские острова. Архипелаг между Швецией и Финляндией. Почти 6,5 тысяч гранитных островов и островков. Прежде я знала об этом месте только одно. Здесь вручают ежегодную экологическую премию «Человек Балтийского моря». Несколько моих добрых знакомых в столице Аландов, Мариехамне получали почетное звание.

На месте сразу стало понятно, почему Аланды победили в престижном европейском конкурсе по велосипедному туризму. Повторю за своими коллегами, «Аландские острова – это велосипедный рай!» Велодорожки – повсюду, с превосходным покрытием и хорошей ширины, – не дорожки, а дороги, сопровождающие автобан. Кемпинги, доступные и расположенные в удобных местах. Везде бесплатная информация, подробные карты. Маленькие недорогие кафе. Бесплатные муниципальные паромы, связывающие большинство островов. Исключительная доброжелательность водителей и, вообще, местного населения. Невероятная красота пейзажей. Множество достопримечательностей, бережно сохраняемых и подробно описанных. И, наконец, обескураживающая чистота...

Наш путь лежал от столицы Финляндии Хельсинки через Турку к Аландским островам, затем снова на материк, в Пори и назад домой. Мы жили в палатках, останавливались в самых разных местах. На скалах, над необычайной красоты озером. В магазине секонд хэнд, принадлежащем «Друзьям земли», где среди прочего собирают старые велоси-

педы и другой послуживший спортивный инвентарь. Конечно, в кемпингах. На лыжной базе. На лугу рядом со старинным домом, который недавно купила молодая пара друзей нашей Кристины. Маршрут разрабатывали наши финские друзья, они же передавали нас с рук на руки куратору той местности, которую предстояло осматривать. Самоотверженность наших постоянных, многолетних спутников не знала пределов – Исмо Пюкалайнен, например, отправился в эту поездку почти накануне своей свадьбы, а Кристина Ульгрейн провела с нами даже часть медового месяца.

Почему?

Я не имею пристрастий на стороне и не питаю низкопоклонства ни перед одной из мировых держав, за исключением России. И все же есть факты, которые печалят мое сердце, когда я сравниваю нашу действительность с зарубежным житьем-бытьем. Вот такая, например, цитата из журнала «Deutschland». «Спорт – одно из самых любимых занятий немцев в свободное время: 41 % занимаются спортом как минимум 1 раз в неделю, а из тех, кому от 18 до 34 лет, – 57%. Немцы активны не только в спортивных организациях. Они выбирают велосипед, плавание, джоггинг или туризм».

Понимаю, что они живут в покое и достатке. А мы еще только начинаем толстеть и в этом не скоро догоним американцев. И все же охватывает зависть. То же чувство, которое испытывала я на гладких, как щека, велодорожках Аландских островов.

Одной из целей наших ежегодных поездок была пропаганда велосипеда, как экологически дружелюбного вида транспорта. Надо сказать, что во время прошлогодней поездки вокруг Ладоги, эта затея потребовала изрядного мужества. Не только потому, что наши водители, в особенности те, почему-то, что везли лес, не испытывали «дружественного» чувства по отношению к нам, братьям меньшим на двух колесах. Но еще и из-за чудовищных, разбитых, невероятным образом преодолеваемых нами дорог. Не случайно тогда мы понесли невиданные прежде потери: разбился один шлем, и даже тресну-

ла рама, какой-то велосипедной супер-фирмы. А здесь...

Я допускаю, что редакция журнала «Deutschland» погорячилась, называя число немцев, занимающихся спортом. Речь идет все же о «физкультуре», от которой спорт отличается, прежде всего, тем, что ориентирован на состязание, победы, медали и, разумеется, он требует от человека полной отдачи. Другое дело, обычные занятия, ради хорошей формы, хорошего настроения и пр. Надеюсь, именно этим увлечены больше половины жителей Германии. В любом случае, отношение европейских и скандинавских стран к спортивным занятиям своих жителей заслуживает одобрения и подражания. В странах Скандинавии, например, по окончании каждого сезона проводятся дешевые распродажи дорогого спортивного инвентаря и аксессуаров. Тогда можно очень недорого купить всё для занятий спортом, изготовленное самыми престижными фирмами. Здесь поощряется постоянное стремление двигаться и сохранять работоспособность. Спортивными площадками, клубами, залами. И, наконец, трепетным отношением к велосипедистам.

Испытание Санкт-Петербургом

Для сравнения, позволю себе краткое отступление. Сразу после возвращения с островов мне пришлось под вечер ехать на велосипеде через весь город из центра к станции метро «Комендантский проспект». Именно тут довелось по-настоящему «почувствовать разницу». Я не буду писать об отсутствии велодорожек. Это всем известно. И о том, что у нас в Питере, несмотря на бесконечные ремонты, много плохих дорог. Я о другом. Итак, хлынул дождь. Небо потемнело от туч. А мои коллеги по дорожному движению, вполне защищенные от стихии в салонах своих автомобилей, не стремились проявлять великодушие. В Финляндии ни разу не было случая, чтобы на перекрестке кто-то не уступил дороги, завидев впереди одиночный велосипед или нашу кавалькаду. Здесь это случалось на множестве перекрестков. Нередко водители с чувством видимого удовольствия, не снижая скорости перед глубокими лужами, с ног до головы окатывали меня водой. Дальше – больше. Удалившись от центра, и решив, что здешние просторы не помешают моему движению, я была изрядно удивлена, когда на одном из перегонов идущий следом автомобиль принялся мне сигналить, чтобы я уступила ему дорогу. Скорость моя была приличной, слева борт автобуса, справа высокий поребрик тротуара. Так что просьбу своего соотечественника выполнить мне было бы сложно. Выдерживая характер, катилась я между двумя стенками – одной пониже – справа, другой повыше – слева, и ждала, когда этот человек сзади, впилится в старенький шведский «велик» подо мной. Обошлось. Но этот эпизод отчетливо характеризует взаимоотношения между питерскими водителями и велосипедистами. По-

Иван Ниненко

Российская экологическая делегация готовится раздавать газеты "Друзей Земли" участникам Европейского социального форума

следние здесь – всего лишь люди второго сорта, которые и пешеходами быть не хотят, и «наскрести» на машину не сумели... Должно быть, так размышлял самодовольный толстяк в автомобильном салоне.

Вернемся на острова...

Мариехамн

Когда приближаешься к Мариехамну, столице Аландов, через длинные вечерние тени мчишься по велосипедной дорожке рядом с автострадой, тебя не оставляет чувство какой-то неправильности. Пока не понимаешь, она в умопомрачительной чистоте всего вокруг! Ни единой бумажки, но к этому привыкаешь сразу, преодолев границу между Россией и Финляндией. Здесь же, на обочине дорожки, рядом с которой пробегают машины, искрится на солнце песок. Блестит трава, будто умытая дождем.

Упруго ложится под колеса асфальт, склоняется солнце, ухоженные дома в окружении цветов чередуются с золотом рапсовых полей. Шелест качественных покрышек по хорошей дороге – звук вначале вверх, потом вниз, пока звуковой след встречного автомобиля шипящими пузырьками не растает в воздухе, уже полном ароматов цветущего жасмина, шиповника, липы...

Конечно архипелаг каменистых пятнышек на карте, не столь изобилует населением, как переполненная людьми Европа. И все же их умение сберечь отпущенную Богом красоту, восхищает! Не случайно 70 человек из списка европейских миллиардеров принадлежат Аландским островам. Так утверждают экскурсоводы. Правда, в последнее время, здесь появилось много новых состоятельных людей из России и Эстонии, которые не всегда радуют местных жителей своими нравами.

В Мариехамне нас встретили друзья «Друзей Балтики». Город Ломоносов, где находится головной офис этой экологической организации, с давних пор является побратимом Мариехамна. По этой причине не только Олю Сенову, председателя этой НКО, но и всех нас, остальных, представ-

лявших другие организации или самих себя, встречали как дорогих гостей, угостили обедом от имени муниципалитета, сводили в парламент Аландских островов, показали город и познакомили с двумя интересными организациями «Природа и среда обитания» и Эммаус. Последняя, ею руководит депутат парламента Аландских островов Карина Аалтонен, была создана по подобию возникавших во Франции сразу после войны объединений, которые собирали вещи для бедных, малоимущих, оставшихся без крова. И сюда приносят ненужное, чтобы передать это тем, кто в нем нуждается. Мир переменялся. И тех, кто готов и хотел бы расстаться с надоевшими вещами, стало не меньше, чем людей, которым они нужны. Из Мариехамна груз идет в самые разные точки земли.

Есть у них еще одно достижение, которым они гордятся и всем его демонстрируют. Это расположенный по соседству с офисом сквер. Он называется «публичный сад» или что-то в этом роде. Не так уж давно здесь была автостоянка расположенной рядышком фирмы. А они отвоевали это место для цветов, кустов и деревьев. Сквер принадлежит городу, но ухаживает за ним организация. Каждый август здесь бывает международный лагерь. Сюда приезжают помогать люди из разных стран. Им оплачивается проезд и проживание, а они за это должны в течение двух или трех недель выполнять какую-нибудь полезную работу, необходимую организации. Кого здесь только не было! И все люди оставляли здесь кусочек своей фантазии и души. На стенах висят забавные визитные карточки каждого лета. Значит, дело, которое их здесь собирает, настоящее.

Спасибо, нет

Мы в гостях у одной из старейших экологических организаций Аландских островов «Natur och Miljö». Все важнейшие скандинавские и европейские экопроекты непременно обкатывались здесь. И устойчивое развитие, и борьба за биоразнообразие. И пропаганда альтернативных энергетических источников. Символ организации – смешной маленький ежик, способный совершить много полезного. Как и НКО, у которой мы в гостях. С интересом рассматриваем их фирменную футболку. На груди у нее надпись: «Атом? Спасибо – нет!» А на спине строка из популярной песни, которая переводится приблизительно так: «Я выбираю ветер».

Эта идея – ветроэнергетики повсеместно внедряется в Финляндии. Даже рядом с атомной станцией Олкилуото стоит ветряк. Необычное сочетание – вполне традиционный пейзаж: трубы атомных блоков, а рядом крылатое чудо на длинной ноге ловит ветер. Огромная ветряная ферма есть и рядом с Пори. Мы ездили туда и с интересом осматривали ветряки различной мощности и разного возраста, побывали и в их информационном центре. Надо сказать, что на Аландах, конечно, этому

способствует и природа, энергия ветра особенно популярна. На острове Чоккор, например, она обеспечивает большинство потребностей островитян. Вообще трилистник на ножке – нередкий элемент местного пейзажа. Хотя я послушала, какой звук производит даже не самый сильный ветряной двигатель, и поняла, почему предприимчивые немцы стараются выносить свои ветряные станции далеко в море на мелководье, несмотря на большие затраты, которые это требует.

А в это время

Сразу после нашего возвращения домой коллеги из нескольких «зеленых» организаций отправились в такое же путешествие, только по Южному берегу Финского залива, который, как известно, является частью Балтийского моря. Оно завершилось 28 июля в Сосновом Бору Ленинградской области и было посвящено 20-летию организации «Зеленый мир». Вот что они сами рассказывали об этом: «В течение недели 12 участников из России и Норвегии проехали на велосипедах 470 километров по дорогам города Сосновый Бор, Ломоносовского, Гатчинского, Волосовского и Кингисеппского районов, обсуждая на встречах с жителями и властями актуальные социально-экологические проблемы региона, например, проблемы обращения с опасными отходами Ленинградской АЭС на общественных слушаниях в Сосновом Бору, показывали экологические видеофильмы, раздавали экологическую литературу, инициировали дискуссии с властями и жителями по наиболее эффективным способам сохранения среды обитания Южного берега Финского залива».

А еще они, например, рассказывали жителям, как себя вести, и как защищать свое здоровье, если случится авария, скажем, на атомной станции. Ну, и, конечно же, пропагандировали велосипед, как здоровый, дружественный природе вид транспорта. Они стремились рассказывать жителям, какими природными богатствами те обладают и какие, быть может, новые опасные проекты готовятся власти разместить по соседству с их домом. Еще, как можно законными способами участвовать в обсуждении и процессе принятия решений по судьбам будущих промышленных объектов. И заодно учили экологически дружественным технологиям, которые можно использовать на своем участке или в загородном доме.

Глазами велосипедиста

Закончилось лето, и мне снова представилась возможность оценить, как меняется мир, если смотреть на него глазами велосипедиста. Глаза, правда, были не мои. А одного очень известного в правозащитных блогах и сайтах персонажа. Зовут его Иван Ниненко. И особо прославился он в последние годы тем, что различные силовые структуры с завидной регулярностью и последовательностью отлавливали его накануне или в дни массовых событий,

подобных маршу несогласных, а потом еще и судили. За несовершенные, в общем-то деяния. Собственно вначале познакомилась я с Иваном в интернете, причем очень подробно. Там были опубликованы документы и протоколы его допросов и даже его паспорт с фотографией. Он не был похож на угрюмого злодея. И в жизни таковым не оказался. Напротив. В маленьком городке Мальмё, на юге Швеции, он с другими молодыми людьми проводил очень веселую и здоровую акцию, участвуя в Европейской Неделе мобильности, раздавая велосипедистам защитные шлемы с непременным обещанием – носить подаренный флажок с символом недели какое-то определенное время... Ничего демонического в молодом человеке не обнаруживалось. Взгляд ясный. Волосы светлые. На мой вкус длинноваты. Ну, это, кому как нравится.

Повторюсь, что дело происходило в Швеции, где в те сентябрьские дни проходил Европейский социальный форум. Я была в числе российской экологической делегации. Как и Иван Ниненко, который в составе «климатической группы» ездил потом в Познань, на конференцию, предшествующую саммиту по климату, намеченному на декабрь 2009 года в Копенгагене. Тоже дело очень важное, вполне нужное. И ничего дурного не предполагающего.

А теперь недлинное отступление о собственно Европейском социальном форуме в Мальмё, который проходил под лозунгом «Иной мир возможен». И зывал к социальной справедливости и вниманию даже к самым непопулярным взглядам самых нешироких слоев общества... Европейский форум – это часть Всемирного социального форума. Поэтому среди его участников и гостей были не только европейцы, но и, например, во множестве латиноамериканцы, а также представители прочих континентов.

Мальмё

Гигантский мост, не так давно связавший этот городок на юге Швеции, с соседней Данией (против чего много лет пламенно протестовали местные

В центре члены Российской экологической делегации от Южного федерального округа – Татьяна Трибрат и Евгений Платонов

02/2009

экологи), изменил судьбу крохотного курортного населенного пункта. Сделал его неожиданно популярным. Конечно, он прелестен, расположенный на широте Москвы, омываемый Гольфстримом и потому утопающий в вечно-зеленой растительности, как какой-нибудь Сочи, совершенно неожиданно. Но еще ошеломительнее, чем никогда не тускнеющая трава на местных газонах, цветовая гамма политических взглядов. Особенно наглядно это было видно во время демонстрации или марша по городу, когда все политические силы, широко представленные на двух форумах – социальном и альтернативном – вышли на улицы. Красные флаги контрастировали с зелеными, черные с оранжевыми, а еще были фиолетовые стяги, синие и даже в листик или крапинку...

Мы, не особо оригинально, несли в руках зеленый транспарант, извещающий об имени пригласившей нас в Швецию экологической организацией – Друзья Земли. Они великодушно оплатили нам билеты на самолет и проживание в чудеснейшем месте на берегу моря среди благоухающих роз (хотя на всякий случай, нам предложили взять с собой спальные мешки). «Друзья Земли» – это всемирная сеть экологических организаций в разных странах. И, конечно же, ее зеленое знамя, вполне отвечало нашим убеждениям.

И коллективный, очень важный результат. Множество самых разных организаций договорились вместе, каждая в своем государстве принять участие во всемирной климатической акции 6 декабря 2008 года. И провели ее как раз в один из дней климатической конференции в Познани. Чтобы еще раз напомнить миру, что энергию надо беречь, а о климате заботиться, и делать это всем вместе.

Но это уже другая история.

Письмо президенту

Там, в Мальмё участники нашей российской экологической делегации обратились с письмом к президенту России Дмитрию Медведеву. Александр Федоров, Липецк; Татьяна Артемова, Санкт-Петербург; Татьяна Трибрат, Новороссийск; Евгений Платонов, Ростов на Дону; Дмитрий Черный, Москва; Елена Иванова, Санкт-Петербург; Кристина Буре, Москва требовали немедленно прекратить преследование неправительственной экологической организации «Дронт» из Нижнего Новгорода. 21 сентября письмо отправили из Мальмё в Швецию и 22 сентября продублировали его, отправив из Копенгагена в Дании. Протест против преследования одной из известнейших организаций в экологическом сообществе России. Незадолго перед этим, 17 сентября прошел обыск в ее офисе. Это было тем более удивительно и возмутительно, что «Дронт» всегда отличался не только добросовестностью, но и чрезвычайно взвешенным подходом к решению экологических проблем. Достаточно вспомнить, что на первом в истории новой России Гражданском форуме именно лидеру экологического

Мозговой штурм о перемене климата

центра «Дронт» Асхату Каюмову было доверено представлять экологическое сообщество России. Он говорил о российских проблемах с трибуны, вместе с президентом РФ Владимиром Путиным. Тогда, ровно семь лет назад, тоже в сентябре только 2001 года, когда в Москве в Кремлевском дворце съездов на Гражданский форум общественных некоммерческих организаций России собрались 5 тысяч представителей некоммерческого сектора страны, он был в числе самых достойных. Что же могло случиться с экологическим активистом и его организацией за это время? Точнее, что изменилось у нас в стране, если абсолютно лояльная и чрезвычайно заслуженная НПО подвергается обыскам и изъятиям материалов?

Понятно и чиновнику

Экономика, политика и экология связаны неразрывно. И хотя главенствует в этом треугольнике экономика, с ее развитием возрастает уровень потребления, – и ...растет нагрузка на окружающую среду. Тогда в идеале обращаются к политическим партиям, чтобы инициировали законопроекты, которые позволят эту нагрузку снизить. Но так бывает в стабильном обществе. В условиях же кризиса всегда возникает мысль непрофильные расходы сократить. Неизбежно уменьшаются и средства на охрану окружающей среды. И когда мы выбираем, что из оставшегося для нас особенно важно, по мнению экспертов, на первый план выходит сохранение системы экологического мониторинга. Чтобы ответить на вопрос, как меняется качество среды, и составить научно обоснованный прогноз. Еще возрастает роль экологического контроля. В этих областях Санкт-Петербург успешно и давно сотрудничает с финским Министерством окружающей среды. Именно в условиях наступающего кризиса обеим сторонам понадобилось обсудить, как же он может сказаться на программе охраны Балтийского моря. Около трех лет назад был подписан международный Балтийский план действий, по которому Российская Федерация должна была бы принять соответствующее Постановление. Но су-

ществовал и иной механизм. Он возник десять лет назад, когда мэры Петербурга и столицы другого скандинавского государства – Стокгольма, подписали Соглашение о сотрудничестве. Появилась инициатива, чтобы кроме национальных планов каждый город на побережье разработал свой собственный. Ведь именно крупнейшие города на Балтике являются основными ее загрязнителями. В Санкт-Петербурге правительство еще в декабре 2007-го приняло свой план экологической политики на ближайшие 5 лет. Этот документ широко обсуждали, критиковали самые известные, критически настроенные экологические неправительственные организации города, он претерпел существенные изменения и преобразования. Наверное, не стал идеальным. Но тем не менее. Уделено в нем внимание и охране Балтики. Но несмотря на широкий диапазон международных природоохранных программ, совершенно непродуманным оказался, как минимум, один вопрос – информационного взаимодействия между прибрежными государствами. В конце ушедшего года в Петербургском отеле «Амбассадор» состоялась ставшая уже традиционной конференция в рамках «Балтийских встреч» для представителей политических, деловых, научных и культурных стран Балтийского региона.

Одним из ее результатов и стала программа информационного взаимодействия в сфере природоохранной деятельности, разработанная экспертами Северной столицы России и Северо-Восточной Финляндии. Они обдумали принципы, которые могут всем городам Балтики обмениваться инфор-

мацией, рассказывающей о достижениях каждого в природоохранной сфере, о проблемах, об эффективности мер и действий.

Общее настроение собравшихся в «Амбассадоре» неожиданно выразил один из городских чиновников, заместитель председателя профильного комитета по экологии в петербургском Правительстве Николай Сорокин, объяснивший главную цель совместных действий – «чтобы наше общее море чувствовало себя хорошо!»

Чтобы морю было хорошо

И все, о ком я пишу, в общем, того же мнения. Только речь идет не обязательно о Балтике. Может, о других морях и землях. Или даже иных континентах.

И мне снова приходится повторить ставшую уже штампом фразу о том, что мы любим свою землю. Все мои коллеги, экологи (и не экологи, разумеется, тоже), участвовавшие в велосипедных экспедициях или никогда не садившиеся на велосипед. Не надо усматривать в нашей пристрастности отсутствие патриотизма. Просто, как и в случае с моей велосипедной поездкой через Питер, который, уверяю Вас, я люблю больше всех других городов мира, ЗДЕСЬ, в наших местах, пока совсем иначе относятся к тому, что ТАМ давно стало обыденностью и законом на уровне рефлекса. Велосипедисту – приоритет на дороге. Мусору – не место в жизни. Морю полагается быть чистым. Природа должна служить человеку. Красотой и всем, что может дать. Но именно поэтому о ней следует заботиться... Это главный закон экологической безопасности.

Нина Иващенко

Взрослая болезнь кривизны

*Вопрос мой прост и краток –
Промолвил носорог:
Что лучше – сорок пятюк
Или пятюк сорок?
Увы, никто на это ответа дать не мог.*

Милн

Глава первая.

Рекламная пауза российского образования

Для успешности любого дела необходимо соблюдать очень важный принцип: обсуждать и проговаривать только то, что не было удачей. Удачи не развивают, профессионал может расти только на анализе своих резервов и промахов. Это аксиома для всех видов бизнеса, этому учат на первых курсах финансовых и управленческих институтов. В российском образовании был краткий период такого подхода к оценке работы школы. В этот период появились Шаталов и Амонашвили, Щетинин и Лысенкова. Казалось, в закрытое застывшее сред-

нее образование вливается воздух свободы и осмысления. Статьи Соловейчика, фильмы «Доживем до понедельника», «Ключ без права передачи», «Лунев и другие» освещали те стороны образования и воспитания, которые нуждались в осмыслении и изменениях. Появились, наконец, термины «педагогика сотрудничества», «личностный подход», «игровые методы обучения» и еще много всего того, что дало толчок к реальному обновлению подхода к образованию и появлению в школах талантливых, незашоренных учителей.

К сожалению, этот период быстро закончился. Портреты реформаторов вставили в рамочки, их

методы стали внедрять, как картошку при Петре Великом, и все вернулось на круги своя. Опять на всех совещаниях, круглых столах, конференциях я слышу и читаю исключительно о лихих победах на педагогических фронтах. Послушать любого докладчика – от простого учителя до чиновника высокого ранга – у нас в школах суперпедагоги учат одаренных детей по суперсовременным программам, которые разработаны суперметодистами; супервоспитатели проводят в жизнь суперправильные воспитательные планы развития личности каждого ребенка в отдельности и коллектива детей в целом. Если чего немного не хватает, так это финансирования, да и то, поскольку деятельность администрации школы оценивается прямо пропорционально «выбитой» из начальства, спонсоров и родителей суммой, то и тут по отчетам полный порядок. Естественно, хотелось бы больше, но денег никогда не бывает достаточно.

Когда все это читаешь или слушаешь, становится непонятно, почему в учебное время дети явно школьного возраста гуляют по улицам, сидят в компьютерных и игровых клубах, толкаются у прилавков супермаркетов. Почему ненормативная лексика звучит уже в полный голос в коридорах школ, почему наши школьники открыто и активно презирают культуру во всех ее видах, во взрослых видят своих врагов и живут по законам джунглей или зоны, черпая вдохновение от клея «Момент» или «корабликов» с дурью. Казалось бы, при таких успехах российской педагогики, какие открываются в каждом докладе и отчете, мы уже давно должны жить в прекрасном и правильном мире, среди прекрасных, образованных и воспитанных людей, а наши дети по благодетельству и примерности давно должны переплюнуть Тимура со всей его командой.

Проще всего сделать вывод, что все российские педагоги – очковтиратели, обманывающие свое начальство и друг друга. Но не так все просто.

Дело, прежде всего, в том, что, несмотря на заветы в пламенной любви, бесконечном уважении и вечной благодарности бойцам педагогического фронта, начальство всех уровней все время старается подловить подчиненных ему учителей на нерадливости, неумелости, корыстолюбии и других некрасивых свойствах. Чтобы им (учителям) было неповадно проявлять свою, в общем-то, асоциальную сущность, придуманы хитрые ловушки в виде многочисленных подробных опросников и отчетов, в которых учитель, особенно, если он еще и классный руководитель, должен многократно в письменном виде подтверждать каждое свое действие, как на уроке, так и вне его. Я хорошо помню, как от учителей математики требовали отчета об уроках по методу Шаталова. Неважно, подходит тебе этот метод или нет, начальство признало его эффективным, значит, будьте добры, все как один работайте по этому методу. Собственно, можете даже не рабо-

тать, главное – напишите отчет об этой работе. Классный руководитель должен без конца писать о том, что он собирается делать с детьми и их родителями, что он сделал, какой результат получил в соответствии с последними новшествами, принятыми за панацею. И попробуйте возразить. Никого не интересует ваше мнение о том, что эти новшества вызывают у вас сомнения, что вы достаточно успешно работаете без них, что писанины прибавится, а толку чуть. Это особенно тяжело отражается на работе классных руководителей. В соответствии с должностными обязанностями, классный руководитель за триста рублей в месяц (\$ 8,5) должен: 1) вести дневники, 2) еженедельно проводить классные часы, 3) организовывать дежурства по школе, 4) готовить праздники и конкурсы, 5) возить своих воспитанников в музеи и театры, 6) вести психолого-педагогические паспорта учащихся, 7) проводить беседы с родителями – и все это непременно фиксировать в разнообразных документах. Если учесть, что каждый классный руководитель – еще и учитель, причем с достаточно большой урочной нагрузкой, чтобы обеспечить прожиточный минимум, станет ясно, что на реальную работу с детьми остается очень мало сил и времени. А оценивается эта работа по письменным отчетам. У хорошего классного руководителя на каждого ученика – папочка, а в папочке – все бумажки на месте. Вот и старается молодой учитель, пишет бумажки все свободное от уроков время. Очень скоро смысл воспитательной работы сводится к тому, как красивее написать отчеты. Живые дети, которым на бумажки наплевать, которым хочется иногда простого человеческого внимания, начинают раздражать, потому что они не вписываются в схемы. Учитель спланировал мероприятие, а дети не хотят это мероприятие, хотя – другое. На бумаге было так красиво, а в реальности – кто-то забыл слова, кто-то заболел, а кто-то вообще безобразничал в строю. И случается самое горькое – молодой учитель разочаровывается в детях, они начинают раздражать его. Хорошо, если учитель при этом уходит из школы, но это случается редко. Чаще всего так и остается – учитель со своими отчетами сам по себе, а дети со своими непростыми проблемами сами по себе. А для того, чтобы заглушить последние сомнения, учитель начинает трубить в фанфары о своих успехах, подтверждая их цифрами, графиками и красиво разложенными по красивым папкам документами. И с виду все, как на глянцевой обложке рекламного журнала – ни целюлита, ни правонарушений, разве что «кое-кто, кое-где, у нас порой».

Противоядие от этой болезни придумано давно. Вероятно тогда же, когда общество заболело бюрократией.

Я узнала об этом противоядии, когда начинала работать и наивно пыталась совместить настоящую работу педагога и виртуальную отчетную деятельность (те отчеты – детский лепет в сравнении с те-

перешними). Опытные товарищи мне объяснили несколько принципов, которые давали возможность, с одной стороны, что-то успевать, помимо писанины, с другой стороны, не тратить на нее «цветы своей селезенки». Эти принципы просты и придуманы, вероятно, военными во времена Швейка.

Первый: не спешి выполнять приказ – будет команда «Отставить!» Усвоить этот принцип мне помог один эпизод в самом начале моей работы в школе. В конце третьей четверти вдруг объявили конкурс классных стенных газет. До этого момента ни о каких газетах никто ничего не говорил и эта сторона классной деятельности прошла мимо моего внимания. Но «партия сказала – надо, комсомол ответил – есть!» Ребята у меня в классе были золотые. Мы несколько дней подряд задним числом ваяли стенгазеты ко всем прошедшим праздникам и датам. Сделали штук десять стенгазет и отнесли их в пионерскую комнату. Результатов конкурса мы так и не дождалась – кроме нас никто ни одной газеты не представил.

Второй: пиши, как положено, делай, как подсказывает здравый смысл. Например, если учитель по какой-то причине нарушил предписанную расцасовку уроков и на одной из тем задержался, не дай бог отразить в журнале реальное положение дел. Придет методист или инспектор и потребует от учителя и от завуча много килограммов писанины, объясняющей и оправдывающей неслыханную дерзость. Или, допустим, вы видите, что ваши ученики готовы к контрольной работе, но следующий урок у вас в пятницу. Проведите эту контрольную, но запишите ее вторником или четвергом, иначе вас поймут на нарушении санитарных норм. И вообще, положите в тетрадь с планами уроков поурочное планирование, переписанное из специальной книжки, и записывайте в классный журнал, что положено. И проверяющие будут довольны, и вам спокойнее. То же и с планами воспитательной работы. Когда-то во время работы в школе-интернате нас обязали среди дня смотреть с учениками прямые трансляции очередного съезда КПСС. В понедельник, зачитывая своим воспитанникам план работы и развлечений на неделю, я зачитала и этот пункт. Естественно, дети взвыли, на что я им сказала – «А будете стонать, и впрямь будем смотреть съезд». Всю неделю мы спокойно занимались уроками, играми, разговорами, чтением вслух в нашей классной комнате, в плане воспитательной работы было записано требуемое число просмотров съезда, и все были довольны – и мы и начальство.

Третий: проще соблюдать какую-то – даже самую нелепую – форму, чем пытаться следовать нелепому смыслу.

Третий принцип тоже нуждается в пояснении. Например, в пионерском лагере мне попался старший вожатый, который требовал бессмысленной регламентации режима, такой, что все время долж-

но было уходить на идеологические мероприятия, а на купание, прогулки в лесу и прочие радости пионерского лета налагались жесткие ограничения. Сначала все приуныли, а потом нашелся простой выход. Молодые вожатые решили ходить в столовую на завтрак, обед и ужин красивым строем, по утрам на линейках блистать красотой построения и четкостью рапортов. Этого оказалось достаточно, чтобы все остальное время начальство оставляло нас в покое и мы могли работать осмысленно и с пользой для детей. Выход оказался простым и элегантным. Все остались довольны, и волки (начальство лагеря) были сыты, и овцы (вожатые и дети) целы, и лето не пропало в пустых и бессмысленных препирательствах по каждому пустяку.

Казалось бы, в чем проблема? Действуй по этим простеньким правилам, не попадайся, «отдакивайся» от бессмыслицы – и все будет хорошо. К сожалению, не тут-то было. Как говорит пословица: Ржа ест железо, а лжа – душу. Двоемыслие часто приводит к потере реальных ценностей. Почти невозможно одновременно чувствовать себя «лукавым рабом» и осознавать достойным наставником.

Когда-то противоречие между разумом и чувством породило классическую трагедию. Корнель, Расин, Шиллер, Байрон воспевали героев, которые выбирали достоинство и платили за свой выбор жизнью.

Но учитель школы – не герой пьесы. Достойный выбор для него означает массу мелких унижительных неприятностей в виде шельмования на педсоветах, урезания нагрузки, а значит, и зарплаты, придирки к ученикам его класса и множество всякого другого в зависимости от фантазии обиженной администрации. Администрацию можно понять. Ее тоже проверяют, она живет в еще более жестоком прокуроством ложе абсурда: выжить, сохранить расклад и без смутьянов сложно.

Для молодого учителя, конечно, проще имитировать деятельность, следуя установленным правилам игры. Необращая внимания на живых детей, проводить мероприятия для галочки, давать ровно то количество уроков на каждую тему, какое положено, писать красивые отчеты и потихоньку переставать уважать себя. Сколько из них начинает ненавидеть своих учеников, которые никак не хотят соответствовать прописанным нормам и правилам, и тем самым вынуждают лгать дальше и дальше!

Недавно мне пришлось наблюдать мероприятие районного значения, посвященное героям Великой Отечественной войны. Как все мероприятия, устроенные для галочки, организовано оно было из рук вон плохо. Детей продержали на улице больше полутора часов, из репродукторов лилась трактирно-блатная попса, учеников нескольких школ без конца переставляли с места на место. Наконец, начался митинг. Микрофоны работали плохо, практически ничего не было слышно, а ученикам, стоящим не в первом ряду, еще и видно ничего не было. Кое-кто из ребят стал предпринимать какие-то действия,

02/2009

чтобы увидеть, что происходит. Они стали подпрыгивать, потом попытались встать на ограждение, забежать с другой стороны. Остальные стояли, как оловянные солдатики, и даже не пытались придать своему стоянию смысл. Угадайте с трех раз, кто из этих детей вызвал суровое порицание – те, кто все-таки хотел, если не послушать ветеранов войны, так хоть увидеть их, или те, кому было совершенно все равно, куда их привели, где и зачем поставили. Правильно – конечно, первые.

Я в таких случаях почему-то вспоминаю русские народные сказки, в которых какая-нибудь нежить, вроде Кощея Бессмертного, при появлении живого человека восклицает: «Фу! Человечьим духом пахнет!» Человечий дух мешает любой бездушной системе, он путает карты своей непредсказуемостью, раздражает поисками смысла там, где смысл потерян, выпадает из рамок таблиц отчетности.

И мы теряем поколение за поколением учителей и учеников, вынуждая их притворяться или становиться нежитью.

Может быть, закончить, наконец, рекламную паузу, продвигающую на образовательное пространство то единый экзамен, то двенадцатилетнее обучение, то ужасного качества учебники, то дорожее никому не нужное оборудование, и позволить школам выбирать формы и методы работы в рамках закона и бюджета. Правда, для этого придется сильно изменить режим работы комиссий по лицензированию и аккредитации, полностью перестроить критерии оценки работы школ и даже, возможно, допустить до обсуждения школьных проблем людей, не ангажированных руководством ведомства.

Вероятно, мои рассуждения напоминают мечты о постройке моста в деревне Маниловка, но скорость, с которой молодое поколение катится к катастрофе глобальной наркотизации, асоциальности, потере всех позитивных ориентиров, должна подтолкнуть к какому-то решительным изменениям в образовании.

И если эти изменения опять будут имитацией, если любые здравые идеи будут замалчиваться или насаждаться насильно, российская школа станет воплощением школ из «Кошачьего города» Лао Шэ. А от школы из антиутопии до антиутопического общества слишком близко, чтобы продолжать благодушеествовать.

К сожалению, не приходится надеяться, что изменения могут произойти сверху. Как любая система, система образования прежде всего будет сохранять себя самое. Поэтому адресат моей статьи – родители, которые хотят видеть своих детей не только успешными, но и нравственными, а также учителя, которые не утратили вкус к осмысленной работе. Вероятно, нужны общественные объединения, не сформированные сверху для лоббирования определенных проектов, а действительно независимые, защищающие интересы учеников и учителей.

Глава вторая.

Спящий разум промотавшихся отцов

Сон разума рождает чудовищ

Гойя

Насмешкой горькою обманутого сына

Над промотавшимся отцом.

Лермонтов

Воспитательная работа в школе сейчас очень осложняется многими внешними причинами, как социальными, так и общекультурными. Когда в восьмидесятые годы двадцатого века появились рассуждения о японских подходах к образованию, еще не было так очевидно, что европейский подход перестает быть самым правильным и прогрессивным. Репродуктивный и аналитический способ обработки информации перестал быть единственно возможным. Восточные мотивы из области искусства перешли в образование – интуитивное и образное мышление, правополушарность и сопутствующие безграмотность и артистизм, все это было ново, обещало прорыв на более высокий уровень. Только сейчас становится понятно, что эта мода была проявлением кризиса не только европейского образования, но и христианской культуры вообще. Все нормы морали, на которых было построено христианское общество, осмеяны, опознаны и обесмыслены за последнее столетие. С развитием коммуникативных технологий за последние десятилетия даже понятие приличий перестало существовать. Телевидение со своими «За стеклом», «Фактором страха», «Аншлагом», рекламой, где эксплуатируется самая низменная сторона человеческой природы, и Интернет, в котором любому ребенку доступны порнография, пропаганда насилия, реклама наркотиков вышли победителями в схватке за людские, особенно детские, души.

Создается впечатление, что российская интеллигенция, объединенная в советские времена критикой советской власти, оказавшись перед проблемой свободного выбора, растерялась. Оказалось, что духовные ценности существуют помимо политических коллизий. Книжки, которые читали тысячи людей только за то, что в них просматривался намек на «антисоветчину», сейчас лежат на прилавках. Их читают те, кому интересны и близки художественные особенности авторов, а таких читателей немного. Помните многочасовые очереди на художественные выставки авангардистов? Не потому ли ломались на эти вернисажи, что художники были гонимы, что присутствие на этих выставках было своеобразным протестом? Как это объединяло! Как возвышало в собственных глазах! Можно было сидеть в каком-нибудь КБ или отделе и ничего не делать (принцип – «они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем»). Но при этом чувствовать высокую духовность и большое гражданское мужество от самого факта потребления искусства, по тем или иным причинам запрещенного идеологической цензурой.

Пришли другие времена, и открылась грустная картина. Большинство наших дипломированных соотечественников, оказывается, свободно выбирают детективы Марининой и Донцовой, бразильские сериалы и боевики. Нет очередей у театральных и музейных касс, – слишком узок круг людей, которые могут получать наслаждение от высокого искусства. Вероятно, именно поэтому массовая духовность, о которой в начале перестройки говорили не иначе, как с придыханием, приказала долго жить. И получилось так, что нам нечего предложить нашим детям взамен противостояния коммунистической и антикоммунистической идеологий. Другие антитезы современного общества – расовые или религиозные – уже далеко продвинули маргинальную часть российского общества в сторону мракобесия, и интеллигенция здесь может играть только роль жертвы. Конечно, мы пытаемся внушать нашим детям понятия добра и зла, благородства и подлости, и никак не можем понять, почему наши слова зависят в безвоздушном пространстве детского безразличия к нашим стараниям.

На воспитание детей всегда влияли три основных фактора: дом, школа, улица. Сейчас, как и раньше, в редкой семье у родителей есть время и силы на общение с детьми. Раньше благополучные дети проводили свободное время с друзьями, играя на улице, или читали книги. И давайте вспомним, что формировало наши представления. «Честное слово» Пантелеева, рассказы Гайдара, «Васек Трубачев и его товарищи», «Витя Малеев в школе и дома». Мы играли со сверстниками в разновозрастных компаниях, учились быть ловкими и честными в играх, потому что с подлыми и нечестными играть никто не хотел.

Сейчас такие же дети «сидят в сетке» дома или идут в компьютерный клуб и «сидят в сетке» там. Интернет заменяет живое общение, школа воспринимается как помеха для сетевых игр. Неблагополучные дети, в основном, озабочены тем, где взять денег на «балдеж» и на игровые клубы. Часто «косяки» можно купить в том же клубе, так что далеко ходить не надо. Если родители не могут или не хотят давать достаточно денег, их можно украсть или отнять у более слабого, и легче всего это сделать в школе. Объединения детей при отсутствии детских организаций типа пионерской или скаутской, держатся на общности криминальных интересов или ксенофобских убеждений. Подражатели героям «Бригады» (в школах им уже придумали название «бригадиры»), футбольные фанаты, скины – вот, что составляет реальную общественную жизнь подростков.

Между всеми этими неформальными объединениями живут не потерянные еще для социума дети, знающие, что ни школа, ни родители не могут защитить их от насилия и унижений. Ученики школы, где я работаю, неоднократно спрашивали меня, что делать, когда на улице у них отнимают мобильный телефон или деньги. Я не могу внятно ответить на их вопросы, потому что улицы города для подростков стали зоной всевозможных опасностей.

В школе тоже идет подспудная неформальная жизнь. Обидеть более слабого, отнять деньги, оскорбить девочку – в порядке вещей. Воровство – норма, вора давно не ищут: оставил вещи без присмотра – пеняй на себя. Примеры полностью разрушенных представлений о нормах социальной жизни можно приводить до бесконечности. И вопрос, «кто виноват» уже неинтересен, поскольку ответ на него не помогает искать выход.

Испокон веков детей воспитывали на мифах, сказках и легендах. В любом, даже самом примитивном и диком обществе всегда существуют сказания о героях, на примере которых дети узнают о самопожертвовании, мужестве, благородстве. Из тех же сказаний они узнают и о том, как наказываются жадность, трусость, подлость. Перед детьми, кроме их родителей и знакомых, всегда ставился нравственный ориентир, религиозный или мифологический. В современной России школьному учителю нечего привести ученикам в качестве нравственного примера. Литература девятнадцатого века, примитивизированная и сведенная к пошлым ее толкованиям в школьных учебниках, детьми не воспринимается и не принимается. Они не могут представить себе жизнь героев, не понимают их проблем. Доблестные страницы истории оказались выпачканными кровью афганской и чеченской войн. Попытки канонизировать героев этих войн не удалась, слишком очевидны, чудовищные в своей простоте, материальные интересы устроителей этих «кровавых мистерий».

И растут наши подростки на примерах телемифов. Сериалы заменили все культурные источники. Для самых продвинутых, тех, что без книг не могут, существует «опиум для интеллигенции» – фэнтези. Дети из хороших семей читают Саймака, Перумова, Лукьяненко и пр. Для самых-самых печатаются Сорочкин и Пелевин. Они хороши для тех, кто читал другую литературу и способен разглядеть за лихим стилем и бредовым сюжетом боль и ужас автора перед апокалипсисом культуры. Но, возвращаясь к воспитанию: на этом песке ничего не построишь. Любители фэнтези могут возразить – ведь там почти всегда благородные герои, победа добра над злом, красивая любовь и все остальные приметы рыцарских романов. Увы, этот жанр тоже претерпел некоторую деформацию. Чтобы читатели, не дай бог, не соскучились, чтобы автор не показался дидактичным, приходится героиню подвергать сексуальному насилию, в подробностях описанному; герои же, вспомнив о шкурных интересах, выбирают негероические пути. А чаще, вообще все подвиги, как во многих романах Перумова, спровоцированы одним очень злым и подлым стариком (учителем!), которому нравится смотреть на мучения подопечных.

Так и получается, что школа, как и раньше – единственная, реальная возможность противостоять беспределу. На воспитателей ложится практически невыполнимая задача – стать для своих воспитанников настоящим наставником, мнением которого дорожат, к словам которого прислушиваются.

Вернемся к рекламе. Помните учителей в рекламных роликах? Эти безобразные лица, искаженные злобой и тупостью, эта их беспомощность перед крутыми потребителями газировки, пива «Клинское», батончиков «Марс»? Такими нас видят властители дум. А анекдоты в каждом дешевом журнальчике? Учителя, конечно, бывают и неумны и безграмотны, бывают и некрасивы и ненаходчивы, но не все же, и даже не большинство.

Господа, опомнитесь, вы рубите сук, на котором сидите. Мы последние, кто стоит между вами и тем беспределом бандитизма, который ждет вас, если мы не успеем хоть какую-то часть подрастающего поколения научить цивилизованному отношению к жизни. Конечно, господа плевать хотели на все призывы. Для них главное, чтобы было «прикольно», чтобы запомнили название товара, что до нравственных потерь, тут мы «за ценой не постоим».

Сто лет назад ситуация была во многом сходной с нашей. Гимназистки парились в банях с купцами, среди творческой интеллигенции был моден кокаин, процветало воровство на всех уровнях. Но в литературе были Толстой и Чехов, а не Пелевин и Сорокин, в философии – Флоренский, а не Пабло Коэльа. Существовало гражданское общество, в котором Короленко мог защитить невиновных в прессе и суде и пойти за это в ссылку, общество, в котором обеспеченные люди шли в рабочие библиотеки и сельские школы, чтобы приносить пользу там, где они нужны. Понятие бескорыстия и чести не вызывали издевательского смеха.

Поэтому, несмотря на ужас революции и последующих кошмарных лет террора, до середины двад-

цатого века оставалось значительное количество порядочных в том, старом понимании, людей. Оттепель шестидесятых годов познакомила с ними, выжившими. Они создали литературу, живопись, музыку о достоинстве и мужестве, они всеми способами боролись с режимом, унижающим людей, лживым и жестоким. Их опять арестовывали, калечили в психбольницах, лишали всех прав, высылали, но они продолжали бороться за права своих сограждан. Они победили режим и проиграли свинству внутри каждого из нас. Они проиграли тогда, когда их портреты вставили в рамочки и под их лозунгами стали грабить страну, оболванивать обывателей и осмеивать любое проявление человечности.

Христианство, которое тоже в советские времена было под запретом и несло нравственную идею в массы, сейчас стало могучей организацией, которая торгует всем: благословляет автомобили, освящает воду из скважин, отнимает здания у школ, и вообще, ни в чем себе не отказывает. И поэтому церковь, которую наш бывший министр все пытается приплести к нравственному воспитанию в школе, вряд ли может помочь.

В результате всего этого – главная причина наших бед – подорванное базовое доверие к миру у наших детей, причем, в той или иной степени, у всех без исключения. От этого, как от печки, и приходится плясать, если мы хотим чего-то добиться в воспитательной работе.

Если у читателей этой статьи появятся вопросы, возражения и идеи по поводу прочитанного, я буду рада ответить по телефону 999 41 68 или электронной почте ninamail@mail.ru.

МОСТЫ В ПРОШЛОЕ

Полина Реутова

Советская школа 1920-х годов в письмах учителей к Крупской

В адрес Крупской с территории всего Советского Союза поступало огромное количество писем: от различных организаций и учреждений, от крестьян и рабочих, от работников изб-читален, библиотек и др. Особую ценность как исторический источник представляют письма учителей. Их письма не так многочисленны в сравнении с огромным потоком писем пионеров и школьников. Обращаясь к Крупской, учителя поднимали проблемы, касающиеся организации учебно-воспитательной рабо-

ты, новшеств, проводимых правительством в сфере образования, отношений родителей учеников и населения в целом к школе и учительству.

На местные средства

Первое место среди тем занимает обеспечение школы учебниками, наглядными пособиями, карандашами, тетрадями, партами. 1920-е годы были наиболее тяжёлыми. Большевики ещё не наладили государственный и местные источники финансирования. Поэтому школа была предоставлена самой себе. Сказывалась разруха гражданской войны. С 1921 года содержание школ переведено на местные средства, но таковые в тот период были крайне

* Автор – выпускница Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 2008 г.

слабы¹. В результате школьная сеть значительно сократилась. Школы располагались в непригодных помещениях, отапливались дровами и торфом, их заготавливали учителя вместе со старшими учащимися. В классах было холодно, учителя и ученики часто болели и пропускали занятия.

Отсутствие вещей, необходимых для обучения детей, – отмечали учителя, – отрицательно сказывается на посещаемости школьниками занятий. Некоторые авторы прямо указывали на то, что до революции школа находилась в лучших условиях.

13 июля 1926 года в Секретариат Крупской пришло письмо заведующей школой I ступени № 1 г. Корчева Тверской губернии М.П. Васильевой. Она писала, что в школе учатся 250 детей (дети пролетариата и из детских домов): «Раньше, когда была плата за учение, то у школы были специальные средства. А теперь плата берется только с торговцев, которых у нас 7 человек, т.е., школа очень нуждается в средствах..., а то, что присылает УОНО, не хватает ... и дети во всем нуждаются»².

2 февраля 1926 года заведующий Церковской школой М. Блистин из Белоруссии отправил Крупской письмо, в котором писал: «От района, в счёт бесплатного снабжения письменными принадлежностями, дети получили в этом году всего навсего по одной двухкопеечной тетрадке на весь учебный год»³.

2 сентября 1926 года Секретариат Крупской зарегистрировал письмо от школьного совета Бахтинской школы Бийского округа Ельцовского района Сибирского края: «Ельцовский ВИК⁴ в 1925/26 учебном году отпустил только лишь 20 руб. на ремонт парт и 10 руб. 40 коп. на отопление и освещение, каковая сумма была чрезвычайно минимальна на расходы... В 1921 году они [население] приспособили под школу общественный амбар. Отстроили класс, а комнаты учителю и сторожу не достроены по сие время, т.к. РИК⁵ денег не отпускает в виду отсутствия их. Учитель и сторож вынуждены жить в классе... Зимой бывает ужасный холод, вследствие чего непрерывно топится железная печь, что и отражается на здоровье детей и учителя. Наглядных пособий нет, как-то: глобуса, географической карты, градусника и т.д. Касаясь ученических принадлежностей также надо сказать, что в начале 1925/26 учебного года не было; дети являлись в школу без карандашей и бумаги. Отсутствие этих принадлежностей ужасно повлияло на посещение детьми школы»⁶.

Учительница Мария Петровна Крастилевская из д. Бахаровка Рязанской губернии 8 сентября 1927 года написала: «Школа наша плохо оборудована инвентарем... Еще больший недостаток имеет школа в отсутствии детской литературы. Детям так необходимо читать соответствующую их возрасту литературу, без которой так трудно развить любовь к книге».

5 марта 1928 года учитель из Коми-Пермяцкого округа пишет, что имеется 19 школ I ступени,

«культура нашего коми народа является отсталой очень намного от русской», «за один или 2 года не смогут развернуть шире сеть народного образования» и обеспечить полностью учебными пособиями. Просит выслать примерно 5000 экземпляров книг. На письме имеется помета личного секретаря Крупской В.С. Дридзо от 5 апреля 1928 года «Т. Попов! Над. Конст. Просит выслать литературу на 250 руб. В. Дридзо»⁸.

«Как живет теперь учитель»

Реформа школьного образования отразилась и на материальном благосостоянии учителей. Власти неоднократно декларировали свою обеспокоенность крайне неудовлетворительными условиями жизни учителей, их скверным положением, говорили о необходимости повышения уровня жизни педагогов. Размер номинальной заработной платы учителей зависел от размера тарифной ставки (необходимый минимальный объем учебно-воспитательной работы в неделю), которая определялась соответствующим квалификационным разрядом, реальной нагрузкой учителей, и финансовыми возможностями местных бюджетов.

На фоне бедственного положения учителей все заявления властей и демонстрация их обеспокоенности судьбой просвещения выглядели не столь убедительными. Чтобы как-то прокормить семью, учителя работали с удвоенной нагрузкой. Положение учителей толкало их на дополнительные заработки: частные уроки, повышенную нагрузку в школе, работу по совместительству, на огороде, пошив одежды. Часто учителя вынуждены приобретать необходимые для своих учеников и для школы вещи за свой счёт.

В докладе заведующего Главсоцвосом на коллегии Наркомпроса о положении народного образования в стране в 1924–1925 годах сообщалось, что перегрузка учителей не только количеством недельных часов, но и учениками, доходит до 150 человек на одного учителя. Это превышало норму в дореволюционной России (она составляла 40 человек на одного учителя) в несколько раз.

14 сентября 1928 года Пётр Николаевич Казанцев, учитель из Саратова, раскрыл Крупской истинное положение учителя:

«Я решил, наконец, рассказать Вам, как живет теперь учитель. Жалованье – 44 рубля, или 15 рублей на старые деньги. Учительницы сами стирают белье, чинят, штопают, обмывают своих ребят, шьют, готовят обед, по 3–4 часа ежедневно стоят по разным очередям: то хлеб ждут, то сахар, то чай, то масло, то какие-нибудь один – два метра материи... Ведь ничего нет! Вечером находят время на подготовку к урокам. Вечные грошовые долги, вечная нужда и полуголодное существование... И вот на этот основной фон жизни сваливаются учительские беды:

1. Он должен готовить доклады на школьные педагогические советы (повышение квалифика-

02/2009

ции); 2. Он должен ходить для поднятия квалификации на районные и секционные собрания, где также должен делать доклады; 3. Он должен ходить на конференции отдела народного образования; 4. Он должен ходить на конференции, организуемые райкомом по вопросам детского самоуправления и пионерского движения; 5. Он должен ходить на собрания месткома и на союзные конференции; 6. Он должен ходить на конференции здравотдела и посещать педагогический кружок; 7. Он должен в своей школе вести общественную работу: заниматься в школе грамоты, вести лекции для родителей – общеобразовательного и педагогического характера, руководить ученическими организациями, заниматься ручным трудом, читать новую педагогическую литературу, взаимно знакомить друг друга с новейшими методами...

На конференциях предлагается подчас нечто дикое, несообразное, глупое. На этой неделе, например, на педагогической конференции предложено: приготовить списки учеников с указанием времени рождения, занятия, заработка, адреса родителей, обойти семьи учеников и заполнить анкеты, дать личные характеристики детей.

Обойти семьи... Сорок детей на учителя. На семью с хождением и разговорами 3–4 часа. В день одна семья. 40 дней на обходы. А результаты?.. Узнаем, что ребенок живет в грязи, вони, голоде и холоде, в пьяной обстановке, ни разу не получал на завтрак стакан молока, ребенка бьют... А дальше – что?..

У нас же теперь дело обстоит хуже, чем при царе. В Саратовском районе на одного учителя приходится по 2–3 группы, [слово неразб.] царе по 12 человек на учителя. Правда, в Саратове теперь на одного учителя около 40 человек... Но какое же тут индивидуальное преподавание!..

Нельзя ли как-нибудь полегче! Нельзя ли перестать витать в области утопий и подойти ближе к ужасной действительности!.. Нельзя ли как-нибудь унять расхорившихся усердных чиновников!..

Вы, наверно, скажете: вот странный человек! Почему же учителя молчат на конференциях? Да, молчат одиннадцатый уже год, чтобы сохранить за собой право на кусок хлеба. Разве вы не знаете, что такое конференция и “самокритика”? Это – игра, та самая игра в общественность, какую мы ведем с детьми в школах. И активное участие в этой игре принимают шкурники, приспособившаяся мразь, остальные сидят и голосуют в прочных намордниках. Вам этого я не боюсь сказать, но не скажу на конференции. Пытался несколько раз, но результаты для меня были печальны. За разговоры, между прочим, я смещен из заведующих семилеткой в рядовые учителя...

Вы часто в своих статьях ссылаетесь на свои беседы с приезжими из провинции учителями. Мы, читая об этих беседах, только улыбаемся... Разве Вы не догадываетесь, через какие сита проходят те, кто командирован в Москву?»

«Шкраб»

Крупская, скорее всего, это письмо прочитала. Но на письме не видно никакой ее реакции: ничего не подчеркнуто, нет никаких помет¹⁰.

Авторитет профессии учителя был низким. Об этом свидетельствует появившееся в 1920-е годы слово «шкраб», означающее «школьный работник». Рождённое во время повального увлечения сокращениями слов, оно прочно вошло в обиход. Слово «шкраб» унижало достоинство благородной профессии учителя, и лишний раз доказывало реальное отношение власти к нему как к инструменту своей политики. Но, заявляя о необходимости покончить со всеми проявлениями пренебрежительного отношения к школьному работнику, власть использовала это же сокращение. Собственно, в её стенах это сокращение и появилось. Власть на словах выражала обеспокоенность положением педагогов, что часто отражается и в статьях Крупской. В своей полемике с Эллен Кей¹¹ Крупская писала: «Надо, чтобы руководили в школах детьми люди горячие, любящие и понимающие детей, уважающие их личность, обладающие необходимыми знаниями и педагогическим чутьём». Профессия учителя, подчеркивала Крупская, одна из самых ответственных, самых благородных. Роль и значение этой профессии будут всё более и более возрастать. «Без педагогов – людей от педагогического станка, людей, непосредственно занятых выращиванием людей социалистического строя, – писатели, инженеры человеческих душ, не смогут перестроить по-настоящему весь быт, всю культуру». Но в реальности учитель оставлен один на один со своими проблемами.

8 февраля 1927 года в секретариат Крупской из редакции «Учительской газеты» направлено письмо учительницы О. Бутоновой. Это письмо является ответом на новогоднее поздравление Крупской учителей. Автора задели ее пожелания добиваться повышения роли учителя в строительстве новой советской школы, в воспитании сознательного строителя социализма. Бутонова рассказывает о том, как различные «учеты, отчеты, планы и прочий балласт» мешают строить новую школу, в действительности учитель находится в унижительном положении: «А нам, дорогая Надежда Константиновна, надо чувствовать себя уверенными творцами нового крестьянского мировоззрения. Все, что унижает нашу личность, есть тормоз в работе»¹².

Копию письма молодого учителя Мозгова из сибирского села Сидоровка 10 декабря 1928 года Крупской переслал К. Ворошилов. Выговоры и претензии проверяющих, по мнению Мозгова, подрывают авторитет учителей в глазах населения. «На учительство в селе имеется взгляд, как на контрреволюционеров». «Наш пролетарский учитель находится после 10-летия существования Соввласти еще в таком унижительном положении». Сам Мозгов пытался покончить жизнь самоубийством на первом году своей работы: «При жизни учитель – безропотная скотина»¹³.

Любопытные данные содержат письма о конфликтах старых, дореволюционных учителей и новых, их причинах, методах борьбы за влияние на учащихся. 5 марта 1926 года учительница Дмитриева из Троицка Ленинградской области пишет: «...некоторые преподаватели недовольны мной потому, что я “ушла” одного из их компании. На курсовом совете один из преподавателей, вычищенный из партии, выступил обвинителем... Постановили, что можно ... выпускать ребят перед публикой только хорошо обученных (т.е., надо было их выдрессировать). В подготовке необходимо твердое руководство преподавателя (а то вдруг им была дана полная самостоятельность). Я уж вооружилась журналами “На путях к новой школе”, читала выдержки о трудовом методе обучения и из Ваших статей, и Блонского, и Гордона, но все, кажется, напрасно. Мне говорят, что трудовой метод «изжит», что о нем говорили только в 18–19 гг., а теперь он устарел (хотя журналы были от 22 и 23 гг.), что я теоретически подхожу к вопросу и т.п. Между тем, ведь только он научит ребят уметь организовать свой труд, согласовать его с коллективом, уметь прочесть условия работы вне школы, связать книгу с жизнью. Я была одна против всех, а председатель, заведующий школой ... держал нейтралитет (хотя и коммунист)»¹⁴. Реакция на это письмо неизвестна.

Учительницы В.С. Помылева и Е.И. Спирина из Усть-Ижемской школы I ступени Коми Автономной области 24 января 1928 года так оценивали причины конфликта со старым учительством: «Население к учительству относится плохо, не уяснив целей и задачи школы»¹⁵. Учитель Репин смещён ... из-за противодействия нововведениям, начал вести агитацию против новых учительниц среди родителей. Поначалу дети слушались, в школу не ходили, требовали вернуть его. Родители, настроенные против учительниц, не пускали детей в школу. Но вскоре дети «стали убегать от родителей в школу, поняв, что учительница даёт что-то хорошее».

20 августа 1924 года через приёмную СНК к Крупской переслано письмо учителя Кузмы Ермолаевича Пужлякова из Армении. Судя по отметке, Крупская ему ответила 1 октября, но текст ответа не обнаружен. О себе Пужляков сообщает, что он из крестьян Саратовской губернии, учительствует 16 лет, работает в Армении среди русских молокан. «Молокан я выбрал сам, т.к. у меня была полная надежда, что среди них, как народа более революционного, можно сделать очень и очень многое, но это был пустой самообман: идеализм. В довоенное время я все время был под бдительным оком полиции» за то, что открыл в селе читальню, общество юношей-трезвенников, вечерние курсы для взрослых. «И как Вы думаете, крестьяне отнеслись к моей работе? Они говорили: “если он открывает бесплатные курсы, то у него есть что-нибудь на уме”, “он будет учить безбожию”. Далее ... 11 лет “пробивал лед”».

«С момента советизации Армении... еще более усложнилось и главный лейтмотив молоканских

напевов ... следующий: коммунисты не верят в бога, а учителя с ними заодно. И вот из-за этого бога получилась громадная [слово неясно] и потребуется много времени, чтобы ее загладить или, вернее, углубить».

«Самым печальным на фоне нашей работы я считаю то, что молодежь пока не на нашей стороне», но и не со старцами, которых, однако, бояться, но дебоширят, пьют».

Он приводит реплику родителей на собрании при объяснении, что Земля движется вокруг Солнца: «Таких по закону следует убивать камнями»¹⁶.

Учителя в своих письмах к Крупской поднимают вопрос дисциплины в школе, касающийся и потери авторитета учителя в глазах учеников.

20 августа 1925 года редакция «Учительской газеты» направила Крупской письмо Фёдора Малкина. Учитель пишет, что пионеры и комсомольцы «ставят на одну доску учителя и контрреволюционно настроенного обывателя», считая, что нет ещё красных учителей. «Мы знаем, что психология ребенка очень гибка, эластична в этом возрасте, он хочет по отношению к себе такого же обращения со стороны учителя, как и со стороны руководителя. Но мне кажется, что этого нельзя допустить, ведь, что бывает допустимо для взрослого, может быть вредно для ребёнка...И бывали случаи, что передаваемые из пионеров в комсомол пионеры говаривали, что мне теперь все можно, я комсомолец. Мне кажется, что, во-первых, учащийся должен уважать учителя, как старшего, обладающего багажом знания, который и старается передать его ему». «И вот, какой-нибудь ученик, пионер или комсомолец, получив предупреждение учителя, что нужно подтянуться и усвоить курс, начинает злоупотреблять своим комсомольским званием, пишет заявление о контрреволюционном настроении учителя. И вот начинается таскание “рабов божьих” учителей по комиссиям расспросы политической благонадежности и прочее, и прочее»¹⁷. Интересно, что уже дети начинают понимать приоритеты власти и начинают их использовать как средство политической дискредитации учительства.

Такая расстановка приоритетов на практике приводила к трагическим последствиям, о чём и сообщают авторы писем. Самоубийство среди учителей в 1920-е годы было не единичным случаем. Новые требования к работе учителей с детьми, к организации учебно-воспитательного процесса, новые учебные программы вызывали непонимание учительства. Тяжелое материальное положение способствовало трагическим явлениям.

«Лжем все без предварительного сговору»

В декабре 1925 года из «Учительской газеты» Крупской пересылаются выдержки из писем учителей: «Посылаю в редакцию копии письма бывшего учителя Л. Смирнова на имя заведующего Кологривским уоно и заявление в уоно с просьбой об увольнении от должности. Автор этих документов,

02/2009

сын ремесленника, очень развит, один из лучших учителей волости. В преданности его сомневаться нельзя. Он глубоко страдал от противоречий современной школы. Другого выхода он не видел и никто не мог указать ему выход. Сейчас он поступает на завод рабочим.

В добавление к этому сообщаю, что в прошлом году 1 октября в день начала учебного года в нашей волости задавилась молодая учительница, оставив двухлетнего ребенка. Ребенок вскоре умер. Причина самоубийства – непонимание ГУСа...

Нынче летом в доме отдыха мне привелось слышать дискуссии просвещенцев по поводу ГУСа. Один из товарищей резюмировал так: “Лжем все без предварительного сговору”. Вывод из перечисленных фактов, мне думается, должен быть такой: нужна скорая, реальная методическая помощь массовому просвещенцу»¹⁸.

Интересно заявление вышеупомянутого Л. Смирнова 9 сентября 1925 года:

«...одной любви к детям мало. Нужны колоссальные знания и дьявольские способности лавировать с двумя группами, занимаясь по программе ГУСа... Требуют на 100 %, на 50 % приходится лгать. Я этого не могу делать. За год я нашел в себе и другие недостатки: я не умею петь, рисовать, не знаком с музыкой. Наличие этих плюсов подняло бы % выполнения работы. Но главное – непонимание ГУСа. ГУС навсегда выживает меня из школы. Работа ощупью не удовлетворяет меня. Я болею духом за ребяташек, может быть, неумело ставя ГУСовские опыты на живом материале»¹⁹.

14 марта 1924 года учитель М. Лапискина из Тульской губернии пишет Крупской: «Центр начинает познавать, что шесть лет кипел, варился, хотя и не всегда, но шел по пути нового строительства школы, почти всегда прокладая (так в документе – *авт.*) путь только своими усилиями, так как Вы и сами говорите, что был общий абрис советской школы. А на местах МОНО, губоно сами блуждали в трех соснах, [ничего] руководящего не могли дать, а только на собрании обвиняли учительство в костности (так в документе) и т.п., подчеркивая этим и свое бес[силie]. Учитель уходил с тоской в глазах и с горечью, т.к. видел, что ответа не может получить»²⁰.

10 июля 1928 года учительница школы I ступени А.И. Липатова из Пензы пишет, что обращалась к М. Рубинштейну, П. Блонскому и к Н. Бухарину, но ни от кого ответа не получила, поэтому обращается к Крупской. Она работала в школе с 1906 года, с 1922 года получила возможность проводить работу по эстетическому воспитанию детей. «Детью новый предмет встречен с радостью, а педагогический мирок сильно встрепенулся». Затем Губоно поручил сделать доклад в центр об её методике, но помешал замгубоно П.И. Смирнов. После «ряда подлых выходов» он ликвидировал сам предмет, а её перевёл в библиотекари. Автор хочет прислать Крупской свои записи о том, как она проводила

уроки, и получить оценку своей работы, но боится, что и материалы, и ответ «могут перехватить и на почте, и в школе, и в квартире» («езде есть такие лица»), «противно видеть злорадство со стороны тех учителяшек, которые не понимая художественного воспитания, ненавидели меня за него, но не смели открыто этого проявить»²¹.

«Я не “имя”»

В 1928 г. учительница Р. Шмуклер сообщает, что написала статью, о значении которой ей, якобы, сказала сама Крупская, но теперь статью не хотят публиковать. Она же добивается публикации: «Меня интересует чисто психологически, обнаруживается ли у Вас такое отношение в редакции и такое пренебрежение ко всем, или только [к] “не именам”? Я заранее предвидела, что статья может быть не принята. Я не “имя”, не Шацкий, не Крупенина, не Зеленко, не Лифшиц и т.д., и я Вам писала об этом, но Вы – “Крупская” и то, что я не “имя” для Вас не имело значения». Пишет о пренебрежительном отношении к ней в Секретариате, где на просьбы о приёме ей отвечают «категорическим отказом». Реакции Крупской не последовало»²².

Учитель народной школы I ступени Белебеевского кантона Башкирской АССР С. Позняков пишет 20 октября 1926 года: «Почти профан в преподавании по комплексной системе. Надлежащих, детально разработанных руководств нет, и нужда в них очень и очень большая. Мы, учителя, хотя и собираемся ежемесячно ... на методические конференции для разработки комплексов, но результаты этой работы меня мало удовлетворяют...»

Нужно и комплексы разработать, и на почте побывать, и в ВИКе о школьных нуждах потолковать, поделиться впечатлениями со своими коллегами, да и мимо кооперативной лавки не пройдешь, чтобы не оставить там части своего мизерного 30-ти рублевого жалованья». Конференции проходят раз в месяц и длятся 2–3 дня. Обсуждение проблем проходит очень спешно, дел много. Нет литературы для работы с молодёжью, женщинами, стариками. На этом письме имеется помета: «М. Кациграс. Надо послать. НК 2/ХI – 26 г.»²³.

Непонимание учителями нововведений советской власти в жизнь общеобразовательной школы снижало их творческую активность. В апреле 1928 года учитель Ф. Павлов из Шуи, преподаватель педтехникума пишет, что в школах вводятся горячие завтраки, принимают участие дети. «Но для того, чтобы дети трудились более осмысленно, чем неграмотная стряпка, пока ничего не сделано. Массовый учитель беспомощен. Научно-педагогическая секция ГУСа должна заказать и дать всем школам брошюру, дающую популярные научные объяснения важнейших явлений, с которыми дети сталкиваются при организации завтраков и которые могут установить и закрепить связь учебы с трудом... Назвать брошюру следовало бы “Методика школьных горячих завтраков”. Дело упирает-

ся в отсутствие практического руководства. Учителю необходима помощь»²⁴.

Учителя, работавшие долгое время при царской власти, после революции подвергались проверке на пригодность к работе с детьми, на способность обучать детей, давать им достаточно знаний. Проверяли их социальное положение.

Согласно Положению «О единой трудовой школе» 1918 года, все преподаватели должны были избираться в соответствии с постановлением Наркомпроса «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей» от 27 февраля 1918 года. Общественно-политическая позиция учительства вызывала серьёзные опасения властей. Особенно это касалось школ II ступени, где оставалось много педагогов с дореволюционным стажем, и где основной процент учащихся составляли представители «буржуазных» классов. Поэтому Устав Единой трудовой школы 1923 года изменил систему подбора педагогических кадров. Теперь школьные работники назначались и увольнялись отделами народного образования. Кандидатуры могли выдвигать заведующий школой, партийные и профсоюзные организации, школьный совет, родители учеников. Преимущество отдавалось лицам с «общественным» опытом. Заведующий школой назначался из лиц с педагогическим стажем. В 1920-е годы было введено самообложение сельского населения и производилось отчисление части заработка городских жителей на нужды школы, но некоторые родители требовали введения «закона Божьего», отказа от преподавания общественно-политических дисциплин. Учителя оказывались в сложном положении, тем более, что многие сами были верующими.

Вопрос об отношении к советскому строю

Общественно-политической позиции учителя в 1920-е годы уделялось большое внимание. Вопрос об отношении к советскому строю и к единой трудовой школе был включён в анкету работника народного образования. Там же были вопросы о роде занятий в период революции и гражданской войны, участии в каких-либо партиях. Советский стаж работы играл важную роль. Низкая партийная прослойка среди педагогов ежегодно отмечалась в отчётах Наркомпроса. Власть проводила работу по вовлечению в комсомол и партию учащихся педагогических учебных заведений. В 1926–1927 годах среди выпускников средних педагогических учебных заведений РСФСР 39,7 % составляли члены и кандидаты ВЛКСМ, 2,1 % – члены и кандидаты ВКП (б). Таким образом, общий показатель партийности молодых педагогов превышал 42 %. Но к 1930–1931 годам этот показатель равнялся всего 19,7 % даже среди учителей школ I ступени²⁵. Но количество беспартийных оставалось достаточно великим. К тому же работать по специальности уходили немногие выпускники. Их охотно брали в другие учреждения, где и платили больше, и не

было дополнительных нагрузок, да и в правовом отношении они чувствовали себя уверенней.

Нарушения, как свидетельствуют учителя в письмах, сводились к следующему: часты случаи необоснованных переводов на другую работу, массовых увольнений, оскорблений, мелких придинок. Ещё в 1922 году проведена чистка старой интеллигенции. В школьной системе она вылилась в кампании по аттестации учительства²⁶. Классовая политика властей, когда происхождение доминировало над образовательным и профессиональным уровнем учителей, ставило педагогов в принижённое положение. Немаловажное значение играла политическая ориентация учительства и отношение к религии. К концу 1920-х годов чистки педагогических коллективов приобрели массовый характер.

Учительница 9-летней школы М. Халилеева из Смоленска 8 июля 1928 года пишет Крупской: «Я работаю на педагогическом поприще больше 20 лет, одиннадцатый год при Советской власти. К моей педагогической деятельности придраться было нельзя, так придрались к социальному происхождению, в котором даже и особенно предосудительного ничего не было: отец мой был личный дворянин, дослужившийся до чина подполковника; мать имела маленькое имение в Смоленской губ. в 80 десятин (по тогдашним временам – хутор). После ее смерти мне досталось 40 десятин, который я тотчас в 1913 г. продала крестьянам через банк на 60 лет; вследствие несчастного случая в семье не воспользовалась ни одной копейкой денег. Училась в гимназии и только на 2 года для усовершенствования в языках, была отдана в институт II разряда. И вот для лиц, извращающих самокритику, я – дворянка, помещица, институтка!». Сын у нее – коммунист. Мать скрывает данные о себе, чтобы не навредить ему своим социальным происхождением. Поставлен вопрос о снятии с работы²⁷.

Учительница школы I ступени из Тюмени Антонина Николаевна Вознесенская пишет, что в 1919 году вступила в РКП, после чего отношение населения деревни изменилось, стало враждебным и угрожающим. Крестьяне боялись коммунистов и ненавидели их, «безбожников». А раньше звали в гости, отправляли своих детей с гостинцами: «А в то голодное время, когда учителя получали пай – в месяц 20–15, а иногда и 10 фунтов ржи, это было важно». Потом упрекали происхождением: отец был попом. Несмотря на всё это, вела активную работу с детьми: драмкружок, чтения книг и др. Но не было поддержки населения и местной ячейки. Теперь нет здоровья, расшатаны нервы, перенесла много бед и страданий. Просит Крупскую дать таким, как она, работу другого рода, где могли бы «воспользоваться давно желанным покоем и привести в порядок истрепанные нервы»²⁸. Вместе с письмом отправляет свои стихотворения, вырезки из газет с её опубликованными стихами и свою фотографию²⁹.

В письмах учителя обращались к Крупской и по личным вопросам. 16 августа 1925 года из Крыма

02/2009

пишет Юлия Алексеевна Брегетова, 14 лет проработавшая учительницей: нет здоровья, как найти другую работу? Просит поставить этот вопрос в печати и ответить ей на письмо³⁰.

8 сентября 1927 года уже упоминавшаяся учительница М.П. Крастилевская пишет о себе: вдова, имеет на попечении – дочь, больную мать и безработную сестру. Сестра окончила школу II ступени, работала 2 года помощницей счетовода в Скопинском земельном отделе, ушла со службы, поехала в Саратов учиться. Из-за голода пришлось вернуться домой. Уже четыре года не работает, так как не состоит членом Союза советских служащих из-за того, что не была по случайным обстоятельствам записана. Теперь пособие ей не выплачивают. Учительница просит содействия или совета по этому личному вопросу³¹.

В 1920-е годы положение учительства было крайне тяжелым. Нищий учитель взвалил на свои плечи непомерную нагрузку, но ощущал себя средством классовой политики властей, превращаемым в послушную марионетку, маленький винтик в механизме советской машины по переделке человека. Авторитет профессии был потерян. Об этом в 1920-е годы учителя довольно откровенно и доверительно пишут Крупской. Однако в документах не обнаружены факты активного и действенного вмешательства Крупской в их дела и судьбы. Дело ограничивалось поручением секретарям в лучшем случае выслать учебную литературу.

- 1 Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 383.
- 2 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7279. Оп. 4. Д. 11. Л. 226.

- 3 Там же. Д. 13. Л. 215.
- 4 ВИК – волостной исполнительный комитет.
- 5 РИК – районный исполнительный комитет.
- 6 ГА РФ. Ф. 7279. Оп. 4. Д. 9. Л. 242.
- 7 Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 78.
- 8 Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 738. Лл. 14–14 об.
- 9 Малкова Ю.Л. Социальный и материальный статус городского учительства Советской России в 1920-е годы: По материалам Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. С. 157.
- 10 ГА РФ. Ф. 7279. Оп. 5. Д. 4. Лл. 89–90.
- 11 Эллиен Кей (1849–1926) – шведская писательница-феминистка.
- 12 ГА РФ. Ф. 7279. Оп. 5. Д. 14. Лл. 3а–4.
- 13 Там же. Д. 4. Л. 100.
- 14 РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 731. Лл. 31–32 об.
- 15 ГА РФ. Ф. 7279. Оп. 5. Д. 4. Л. 102.
- 16 РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 725. Лл. 138–143.
- 17 ГА РФ. Ф. 7279. Оп. 3. Д. 4. Лл. 50–52.
- 18 РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 730. Лл. 203–204.
- 19 Там же. Л. 204 об.
- 20 РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 725. Лл. 43–45 об.
- 21 Там же. Д. 741. Лл. 17–21.
- 22 Там же. Лл. 42–42 об.
- 23 ГА РФ. Ф. 7279. Оп. 4. Д. 9. Л. 4.
- 24 РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 740. Л. 35.
- 25 Старшова И.Г. О некоторых особенностях педагогического образования 1920-х годов// Социологические исследования. 2001. № 9. С. 132.
- 26 Дорофеева Т.В. Формирование школьной системы обучения в Советской России (1917–1930-х годов): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1994. С. 109.
- 27 ГА РФ. Ф. 7279. Оп. 5. Д. 4. Лл. 95–96.
- 28 Там же. Оп. 3. Д. 4. Лл. 259–263.
- 29 Там же. Лл. 264–269а.
- 30 Там же. Лл. 270–271.
- 31 Там же. Д. 7. Л. 78.

Арлен Блум

Главлит на страже КГБ

ПО ДОКУМЕНТАМ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

1. «Относительно вегетарианская эпоха...»

Главлит и КГБ – соответственно «Министерство правды» и «Министерство любви», если вспомнить аналогичные ведомства из романа Джорджа Оруэлла «1984», – всегда работали рука об руку. Подноготная взаимоотношений этих двух организаций недвусмысленно раскрыта в секретном «Отчете Петрогублита за 1923–1924 гг.»: «ГПУ, в частности Политконтроль ГПУ, это тот орган, с которым Гублиту больше всего и чаще всего приходится иметь дело и держать самый тесный контакт... Гублитом зачастую выполняются задания, исходящие из Политконтроля, которые он по тем или иным причинам не может взять на себя в целях конспирации. В отношении просмотра изданий (предвари-

тельного) также бывают случаи совещаний с Политконтролем и обязательная отсылка копий отзывов о запрещенных изданиях для сведения и установления источника получения оригиналов. В большинстве случаев последнее приходится выполнять Гублиту, как учреждению расшифрованному». Начальник петроградской цензуры полагает, что такую «тонкую» работу лучше всего поручить его сотрудникам, поскольку «Политконтроль ГПУ не всегда достигает цели: всё, что мог бы при контроле установить представитель Гублита не установит представитель ГПУ, перед которым язык и голова слишком неразговорчивы и настоюще» (Так! Везде курсив наш)¹.

Понятно, что цензурные инстанции с особой тщательностью всегда охраняли тайны родственной (точнее – вышестоящей) организации, как бы она ни называлась в различные годы. Прежде всего, ни одна публикация, касающаяся структуры и дея-

* Автор – доктор филологических наук, профессор С.-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

тельности этого ведомства, пусть и в художественном произведении, даже простое упоминание о его существовании, не могли появиться в свет без санкции и «одобрения» последнего, дабы, как говорилось в одном из документов 20-х годов, «ни коем случае не помешать его оперативной работе». Годы НЭПа все же были «относительно вегетарианскими», как считала Анна Ахматова (это, впрочем, зависит от точки отсчета). Писатели и журналисты позволяли себе тогда еще некоторые вольности, касаясь «табуированных» тем. В связи с этим, ежегодно, а то и чаще Главлит рассылал по местным инстанциям циркуляры, предупреждавшие, что при «...разрешении к печати подобного рода сведений строго руководствоваться «Перечнем сведений, не подлежащих разглашению» и разъяснениями к нему о допустимости опубликования подобных сведений лишь с санкции ОГПУ». В 1926 г. выходит циркуляр Главлита, в котором в связи с появившимися в печати заметками о деятельности ОГПУ «вновь» предлагалось всем управлениям Главлита «не допускать в печати каких бы то ни было сообщений, связанных с его деятельностью»².

Тем не менее, кое-что на эту опасную тему, несмотря на принятые превентивные меры, все-таки проникало тогда в печать. Так, например, в 1928 г. по настоянию ОГПУ был конфискован 22-й номер «Врачебной газеты» (на самом деле, это специальный медицинский журнал, выходивший в Ленинграде). В «объяснении» начальника ленинградской цензуры сказано об этом казусе кратко: «Описание случая болезни сексота ГПУ. Редактор тов. Кантор. Явная наша ошибка». Дело возникло по поводу публикации в этом номере «Врачебной газеты» статьи «Алкоголизм в этиологии неврозов», присланной из Курского невро-психиатрического диспансера доктором К.К. Спицыным. В совершенно академическом тоне он приводит историю болезни «большого И.В.И., 37 лет, члена ВКП (б)», который поступил в диспансер «в крайне депрессивном состоянии». Он жаловался на то, что не может находиться в людных местах, даже на демонстрации, «всё вселяет в него непобедимый ужас, «непонятный страх»: он даже направил в партийную ячейку письмо, в котором грозился покончить с собой. «Анамнез» его таков: пить начал с 1915 г., но умеренно, однако, в 1917 г., вступив в партию, и, начав работать «в органах», окончательно поддался «слабости». «Как сознательный человек, – пишет курский доктор, – он понимал, что позорно быть членом партии, агентом ГПУ, быть на хорошем счету и пить. Поэтому свою болезнь – хронический алкоголизм – он скрывал всеми доступными ему способами и больше всего в мире боялся разоблачения... Разоблачить его могли люди, когда И. был в открытой службе, прежде всего начальствующие лица; с переходом в сексоты (секретные сотрудники) разоблачителями могли стать такие же сексоты, как и он сам, то есть любой гражданин» (последнее звучит особенно замечательно). Именно поэтому он

стал избегать людных мест, что очень затрудняло выполнение им своих обязанностей. Заканчивается эта история болезни вполне оптимистически: «Гражданин И., будучи весьма сметливым от природы человеком, понял суть своего заболевания, условные связи распались, и он служит вновь».

С пристальным вниманием цензоры рассматривали публикации, посвященные психическому здоровью советских людей. «Здоровым» должно быть не только тело, но и «дух», согласно известной поговорке, и советский человек вообще не должен страдать от заболеваний такого рода. В то же время, в годы НЭПа и позднее, они приобрели массовый характер, что и неудивительно, если учесть психические травмы, нанесенные событиями революции и гражданской войны. «Жертвами революции» в этом смысле нередко оказывались и сами руководители, и рядовые чекисты, выполнявшие слишком «нервную работу». Они часто становятся героями повестей и романов начала 20-х годов: только в 1922–1923 гг. вышли «Записки Терентия Забытого» А. Аросева, «Шоколад» А. Тарасова-Родинова, «Жизнь и гибель Николая Курбова» И. Эренбурга, в центре которых – чекист с «достоевщиной», душевным изломом, травмированный «тяжелой работой» (читай – бессудными расстрелами), но не сомневающийся в ее необходимости «для блага революции и людей». Позднее, когда проходила «зачистка» цензурных огрехов 20-х годов, все эти книги подверглись конфискации и последующему уничтожению, если не считать одного-двух экземпляров, которые позволялось оставлять в так называемых «спецхранах» крупнейших национальных библиотек.

Оказались в них экземпляры не раз издававшейся в 20-е годы повести А.Я. Аросева «Записки Терентия Забытого» (сам автор был арестован в 1937 г. и через год расстрелян). Несмотря на его реабилитацию в 1956 г., все издания повести вплоть до 1987 г. находились в спецхранном пленении – за изображение чекиста-маньяка и «рефлектирующих» коммунистов-неврастеников, разочарованных в результатах НЭПа, подающих заявления о выходе из партии и заканчивающих порой жизнь самоубийством. В повести один из видных чекистов «... в своей жизни только однажды улыбнулся, да и то неудачно: какой-то просительнице-старушке сообщил о расстреле ее сына и улыбнулся невольно от волнения. С тех пор он никогда не улыбался». Он же предлагает водрузить на здании ЧК экран и показывать расстрелы: «А вверху чтоб надпись была: за то-то...». Запрету подвергся роман Ильи Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова» (М., 1923). Как гласила цензурная резолюция: «В книге содержатся пошлые выпады против молодой Советской Республики, большевистской партии, советских людей. Роман изобилует циничными сценками, в которых автор опошляет большевиков»³. Кроме того, писатель коснулся опять-таки опасной темы – деятельности сотрудников тайной

02/2009

политической полиции. В романе рассказана романтическая история «несанкционированной» любви чекиста и подосланной его убить «контрреволюционерки».

Такова же участь повести забытого ныне прозаика 20-х годов Алексея Платонова (псевдоним Петра Алексеевича Романова, 1900-?) с примечательным названием «Макар – карающая рука» (М.: Федерация, 1930). Действие повести происходит на юге, в годы Гражданской войны. Простой крестьянин Макар, назначенный председателем уездного ревтрибунала, просит дать ему «инструкцию» – кого именно и за что он должен расстреливать. «Из штаба» ему отвечают: «Расстреливайте, товарищ, психологически. Не до инструкций теперь. Психологически, говорят, совесть вашу тут применяйте». «Ну, и что ж, по совести расстреливаю, психологически!». Такого рода фразы, а также сцены повальных расстрелов стали причиной изъятия книги.

Только в 1989 г. возвращены из спецхранов уцелевшие экземпляры повести С.И. Малашкина «Больной человек» (М.: Мол. гвардия, 1927). Его проза 20-х годов обличала аморальность «нового быта» комсомольской молодежи; с другой стороны – осуждала бесчеловечность массовых расстрелов в годы Гражданской войны. Главный герой повести – бывший боец революции, психически больной комиссар Завулонов, не выдержавший «наступления частного капитала» в годы НЭПа: для него это равно крушению мира и попранию революционных идеалов. В его помутненном сознании возникает страшная сцена расстрела белогвардейцев, в котором он принимал участие. Воспроизведена она очень подробно, с ужасающими мельчайшими деталями, создавая эффект замедленной кинематографической съемки. С точки зрения цензоров, такая сцена могла вызвать сочувствие у читателя повести и пробуждение в нем ненужного «буржуазного гуманизма» и, как они часто выражались, «неконтролируемых ассоциаций».

Попал под нож тираж сборника рассказов И.В. Кологривского «Бродячие» (Л.: Прибой, 1925; сведения об авторе не найдены) – скорее всего, за рассказ, давший название всему сборнику. Автор изобразил сцены в петроградском Ревтрибунале 1918 или 1919 г. В нем сидят заложники: профессора, служащие и даже рабочие. Один из рабочих говорит: «Я думал, что в плен к белым попал». Сашенька, героиня рассказа, арестованная ЧК и ожидающая своей участи, думает: «Это революция. Революция встала на дыбы, а мы, что в хвосте ползли, под ее лапы. Сомнет, растопчет всех, одних в камерах ожидания, других в концентрационных лагерях, третьих на работах общественных – принудительных!..». В других рассказах – страшные сцены Гражданской войны и всеобщего озверения в деревне.

По настоянию Генриха Ягоды в 1925 г. конфискован был 5-й номер журнала «Красная новь» за этот год. Он «заслужил» даже специального постановления Политбюро ЦК РКП(б): «О “Красной Нови»

(письмо т. Ягоды). О рассказе А.Е. Явича “Тригорий Пугачев”. Признать ошибкой помещение рассказа “Тригорий Пугачев” в “Красной нови”; рекомендовать редакции “Красной нови” более осторожное отношение к темам, касающимся работы ГПУ»⁴. Рассказ посвящен работе ВЧК в годы Гражданской войны. В нем также говорится о зверских расстрелах, об изнасиловании сотрудником ЧК арестованной.

Цензурные претензии со временем вызвала первая повесть о Гражданской войне и первое же произведение 23-летнего автора Юрия Либединского, «Неделя» (впервые вышла в 1921 г., затем издавалась десятки раз). Она имела шумный успех, в «Правде» появилась тогда же статья Бухарина «Первая ласточка». Однако после 1938 г. все предшествующие издания подверглись изъятию, а новые – «купюризации». Мало того, что в тексте фигурирует «командующий», под которым угадывается В.К. Блюхер, расстрелянный в 1938 г. (упоминается он и под собственным именем)... В «первых изданиях «Недели» помещалась исповедь «кающегося чекиста», усомнившегося в правоте бессудных расстрелов и подумывающего о самоубийстве: «Точно кровь этих нагих белогвардейцев мне в душу брызнула!.. Эти ужасные стоны, раздающиеся из каменоломни... Я разучился подписывать заключения на расстрел...».

Говоря о прозе 20-х годов, в которой затронута интересующая нас сейчас тема, стоит упомянуть забавный рассказ «Таинственная особа», написанный талантливейшим сатириком и автором знаменитых литературных пародий Александром Архангельским (1889–1938; рассказ вошел в сборник «Коммунистический Пинкертон» – Л.: Красная газета, 1926. Библиотека журнала «Бегемот»). Сюжетом рассказа является проделка молоденькой машинистки, подговорившей своего друга представляться, когда он вызывает ее по телефону на свидание, сотрудником ГПУ. Ее собираются уволить за прогулы, но старый, издавший виды бухгалтер, замечает: «Попробуйте прогнать, она вас куда-нибудь дальше прогонит». При встрече со своим знакомым девушка советует ему, чтобы он «вызывал не из ГПУ, а из ВЦИКа, у нас все напуганы». По этой причине сборник оказался все в том же спецхране, в нем же хранились до конца «перестройки» не раз переиздававшиеся сборники пародий Архангельского, начиная с книги «Пародии» (М., 1927) и заканчивая книгой «Избранное: Пародии, эпиграммы, сатира» (М., 1946) с неизменными иллюстрациями Кукрыниксов. Главная причина конфискации – пародии и эпиграммы на И. Бабеля, Артема Веселого, Б. Пильняка, Б. Корнилова, Бруно Ясенского и других репрессированных писателей. В «Избранном» 1946 г. криминальной, по-видимому, сочтена пародия на рассказ М.М. Зощенко, – имя которого после доклада Жданова и августовского постановления 1946 г. ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» не подлежало «популяризации», – а также на стихи Анны Ахматовой

II. Годы «застоя» и ранней «перестройки»

После 1929 г., года «великого перелома» и наступившего тотального цензурного террора, хоть сколько-нибудь критическая нота в изображении чекистов, естественно, исчезает из литературы. Велено показывать их людьми, ни в чем не сомневающимися, абсолютно «цельнотянутыми». Таковыми, впрочем, должны быть все советские люди...

Сами названия этих организаций с той поры объявлены секретными. Например, в «Бюллетень Главлита СССР» за 1932 г., фиксирующий важнейшие цензурные «нарушения», вошел такой пункт: «В газете «Транспорт» за 18 октября 1932 г. указано, что в состав футбольной команды, едущей на состязания в Турцию, входит футболист – сотрудник ОГПУ». Зато многократно издаются произведения, прославляющие «наши славные органы» и их руководителей. В их числе – масса изданий песен Джамбула, сочиненных, как известно, пронырливыми «переводчиками», вроде «Песни о батыре Ежове». В нем есть такие, например, строки:

*Я славлю батыра Ежова, который,
Разрыв, уничтожил змеиные норы,
Кто встал, недобитым врагам угрожая,
На страже страны и ее урожая...*

В послевоенные годы героем песен стал, конечно, Л.П. Берия, преемник «батыра». В частности, композитор А.Г. Новиков создал о нем две песни: «Песню о маршале Берия: Для хора и фортепьяно (М.: Музгиз, 1946) и тогда же изданную «Песню чекистов». По иронии ситуации, все эти произведения, тем не менее, также оказались в спецхранах – по той причине, что в них прославлялись расстрелянные руководители госбезопасности.

В годы «застоя» продолжалась существовавшая в течение десятилетий практика запрета публикаций, хоть как-то затрагивающих «наши органы». Приведу лишь один документ, который, кажется, не требует комментария. Ленинградский КГБ, как видно из него, решил вступить за честь мундира наших «славных чекистов»:

«1969.01.11. “Секретно”. Комитет государственной безопасности СССР. Управление по Ленинградской области –

Начальнику Управления по охране государственных тайн в печати по Ленинградской обл. тов. Арсеньеву Ю.М.

Ознакомившись с либретто оперетты Кима РЫЖОВА и Александра КОЛКЕРА “Журавль в небе”, считаем необходимым сделать следующие замечания:

Основная сюжетная линия оперетты, по нашему мнению, вызывает сомнение с точки зрения достоверности. Главная героиня – сотрудница органов КГБ Таня, действующая под именем гида “Интуриста” Нины ШАМАНОВОЙ, покончившей жизнь самоубийством, после элементарной проверки неизбежно будет расшифрована как подставное лицо

разведкой противника, располагающей фотографией подлинной Нины ШАМАНОВОЙ и имеющей возможность установить личность Тани в “Интуристе”.

Образ чекиста Афанасия Ивановича, действующего под видом “тунеядца” и “алкоголика”, вступающего, благодаря этим качествам, в контакт с графиней Де Валяй и осуществляющего охрану Тани, по нашему мнению, является неприемлемым и может быть неправильно истолкован зрителями. Наделение этого образа отрицательными качествами, очевидно, понадобилось либреттистам для того, чтобы вызвать у зрителей эффект неожиданности. Образ полковника КГБ Ивана Михайловича крайне схематичен и ходулен. Конец одиннадцатой картины, в которой “Герцог” угрожает Тане отравленной иглой, и только появление Афанасия Ивановича с пистолетом в руке из стенового шкафа спасает ее от гибели, может вызвать своей нарочитой нереальностью веселую реакцию зрителей, прямо противоположную трагической ситуации на сцене.

При таких, на наш взгляд, существенных недостатках, устранение которых без ломки основной сюжетной линии оперетты невозможно, постановка ее на сцене Театра Музыкальной комедии не может быть осуществлена, так как она создает искаженное представление о работе органов госбезопасности.

Зам. начальника Управления КГБ Иванов»⁵.

На постановку оперетты был наложен запрет, причем без всяких объяснений. Исходил он, понятно, не из КГБ, а из самого Горлита, который все решения принимает, якобы, самостоятельно.

Последний сюжет нашей темы связан с годами «перестройки». Председатель КГБ В. Чебриков в июне 1986 г. информировал М.С. Горбачева и других членов Политбюро «О подрывных устремлениях противника в среду советской творческой интеллигенции». По его словам, «вновь реанимируются и выдвигаются на арену идеологической борьбы идеологические перерожденцы типа Солженицына, Копелева, Максимова, Аксенова, Владимирова и им подобные, вставшие на путь активной враждебной деятельности. Многие из них стали участниками и исполнителями антисоветских провокаций и широкомасштабных акций. По заданиям спецслужб они ведут поиск единомышленников, пытаются устанавливать нелегальные связи с негативно настроенными лицами из числа творческой интеллигенции нашей страны». Благодаря доносам и проведенным «агентурным мероприятиям сотрудникам КГБ стали известны рукописи произведений, представляющие наибольший интерес для центров идеологической диверсии». В донесении перечислены рукописи романа А. Рыбакова «Дети Арбата», повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...», романа В. Дудинцева «Белые одежды» и других произведений, которые удалось опубликовать только спустя 2–3 года.

Цензурные инстанции, несмотря на новые веяния, продолжали охранять «честь мундира» орга-

02/2009

нов КГБ, которым они подчинялись беспрекословно. В «Перечне сведений, запрещенных к открытому опубликованию» по-прежнему неизменно фигурировал пункт, согласно которому «любые сведения, в том числе в художественных произведениях, о деятельности органов госбезопасности» могли появиться в свет только с разрешения последних. Вот именно под этот пункт подпал роман «Белые одежды» В. Дудинцева, предполагавшийся к публикации в первых номерах журнала «Нева» за 1987 г. Главный цензор Ленинграда был готов подписать верстку лишь в том случае, если редакция направит роман «куда следует» и представит разрешение КГБ, или вообще снимет этот роман из номера. Но как раз именно «органы» предъявили такие требования к роману, отданный первоначально Дудинцевым в «Новый мир», что они потребовали бы многих существенных переделок и сокращений. На них писатель не пошел, решив попытать счастья в «Неве». Однако даже в конце 1986 г. на «белоснежные ризы» неприкасаемых органов, если переименовать и переадресовать название романа, не могла быть брошена тень.

Тяжба с редакцией тянулась около двух месяцев (ноябрь-декабрь 1986 г.), хотя, по цензурным правилам, верстку очередного номера следовало просмотреть и подписать в печать в течение 10 дней. Глава ленинградского управления Л.Н. Царев также обнаружил в ней «серьезное нарушение требований – на роман В. Дудинцева не представлено разрешение органов КГБ». Вот как он излагает перипетии этой истории и содержание романа в донесении, датированном 23 января 1987 г., когда первый номер уже давно должен был выйти из печати: «18 ноября 1986 г. на контроль в Леноблгорлит была сдана верстка журнала «Нева» № 1 за 1987 год с началом романа В. Дудинцева «Белые одежды», который предполагается опубликовать в первых двух номерах. Действие романа происходит в конце сороковых годов, когда под руководством Лысенко Т.Д. в научных кругах была развернута кампания по борьбе с генетикой как «буржуазной лженаукой», а ученые-генетики подвергались различным административным гонениям, увольнялись с работы, отстранялись от научной деятельности. Сюжет романа строится вокруг того, как некий академик Рядно с целью устранения более молодых и способных конкурентов на ниве селекции новых сортов картофеля «переводит вопрос в плоскость идеологии» – развязывает ожесточенную травлю против ученых-генетиков и студентов, активно включая в это дело местное Управление госбезопасности во главе с генералом Ассикритовым. Группа генетиков-преподавателей и их учеников арестована органами госбезопасности по обвинению в антисоветской деятельности, некоторые из них впоследствии погибают в заключении. Герой романа Стригалева – ведущий генетик, который вывел новый сорт картофеля и тем самым вызвал зависть академика Рядно – некоторое время скрывает

от ареста. Генерал Ассикритов устанавливает наблюдение за Стригалевым и его товарищем Дежкиным, остающимися на свободе, использует для этого «своих помощников» из числа студентов и преподавателей. Герой романа Дежкин, предчувствуя неизбежность ареста, скрывается, проживая несколько лет под чужой фамилией и по чужим документам. Помощь преследуемым генетикам оказывает полковник госбезопасности Свешников, информируя их о мерах, предпринимаемых против него оперативными службами. Позже полковника также арестовывают, он погибает». Далее он жалуется московскому начальству на то, что главный редактор категорически отказался представлять роман в КГБ на предмет получения его разрешения на публикацию: «Свою позицию он обосновывал тем, что поскольку в период, изображенный в романе, органы госбезопасности допускали нарушения законности, осужденные впоследствии партией, то требования параграфа 215 Перечня, по мнению редакции, на этот период не распространяется»⁶.

Противостояние продолжалось, пока, наконец, благодаря телеграмме, посланной самому Горбачеву, не было спущено в партийные и цензурные инстанции указание не чинить препятствий «Неве», и верстка была подписана. Первый номер вышел все же с опозданием; публикация романа Дудинцева произвела впечатление серьезного прорыва информационной блокады: впервые после долгого перерыва в негативном виде в подсоветской печати была выставлена деятельность сотрудников тайной политической полиции.

Приведенными в статье материалами и документами отнюдь не исчерпывается многогранная история взаимоотношений органов цензуры и КГБ. Одна из таких граней – запрет на публикацию любых сведений о существовании в СССР концентрационных лагерей, входивших в систему «Архипелага ГУЛАГ», политических репрессиях в годы Большого террора. Этой теме автор собирается посвятить отдельную статью.

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 57. Лл. 34, 48.

² Там же. Д. 32. Л. 36; Д. 34. Л. 30.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 319. Л. 71.

⁴ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 58).

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 2. Д. 97. Л. 125.

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 2. Д. 235. Лл. 1–3. История эта получила отражение также и в ряде воспоминаний – так сказать, с двух сторон – главного редактора Б.Н. Никольского, опубликовавшего свою переписку с высшими партийными инстанциями по поводу запрета романа, и бывшего заместителя начальника Леноблгорлита Василия Соколова. См.: История в трех письмах и четырех телеграммах. Публикация и комментарии Б.Н. Никольского // Нева. 1995. № 4. С. 212–216. Соколов В. Мы курировали идеологию. Заметки бывшего цензора // Print publishing. Российский журнал печатной коммуникации. СПб., 1993. № 1. С. 38–42.

Антон Васильев

Журнал русской славы

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ БЕССМЕННОГО ИЗДАТЕЛЯ В.В. ОРЕХОВА

Несколько лет назад некий отставной генерал Советской Армии, ставший предпринимателем, на вопрос телерепортера: «Трудно ли быть владельцем кафе?» с улыбкой ответил:

«Да что я... Наши генералы в Париже таксистами работали!»

Н а ш и! Наконец-то «белобандитов», «закордонников» назвал так бывший советский генерал! Неужели мы заслужили счастье – быть просто одним народом? Неужели и в наших умах заканчивается Гражданская война, загнавшая одних россиян на Амазонку, в Африку и в Австралию, а других – на Колыму, в колхозы и в коммуналки, одних – в ностальгию до смерти, а других – в такое же долгое тупое отчаяние, когда и те, и другие перестали быть хозяевами на своей родной земле?

<p> PRIX en Belgique 20 F en France 2 Fr. en Gde Bretagne 3 sh. en Amérique 50 c. Deutschland 1m.80 в СССР — бесплатно </p>	 <p>ЧАСОВОЙ</p>	<p> № 508 (10) Октябрь 1968 г. </p>
<p> ЗА РОДИНУ, ЧЕСТЬ И СВОБОДУ ! ОРГАН СВЯЗИ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ Основан 1-го января 1929 г. Редактор В.В. ОРЕХОВ « LA SENTINELLE » mensuel // ORGANE DU MOUVEMENT NATIONAL RUSSE (40e Année) // Directeur — B. OREKHOFF Adresse postale : « La Sentinelle », Boite postale 31, Ixelles 4, Bruxelles Reg. du Com. Bruxelles 88452 // Compte chèques postaux : « La Sentinelle » № 3925.03 </p>		

...Изгнанная часть наших соотечественников с первых дней на чужбине сплывалась вокруг самой организованной своей прослойки – офицерства, которое, отходя с боями, позволило сотням тысяч беззащитных штатских эвакуироваться за границу. Одна лишь Русская Армия барона Врангеля вывезла в Турцию 135 тысяч человек. «Малая Россия» на чужбине нуждалась в поддержке, духовном окормлении, ободрении, вере в лучшее будущее. Эмигрантам нужен был свой «голос» для переключки между рассеявшимися по разным странам братьями, голос родной, русский, правдивый! «Орган душевного укрепления», как позднее скажет князь Ливен, один из командиров Белой гвардии на северо-западе России.

И снова изгнанникам помогли русские офицеры, с 1924 года организованные Петром Николаевичем Врангелем в РОВС – Русский Обще-Воинский Союз. Чины РОВСа были подданными всех монархий и гражданами всех республик земного шара, и в собственной прессе, как средстве переключки, нуждались, вероятно, острее всех прочих,

составляя почти 70% наиболее активной и организованной русской эмиграции.

– Чем была до сих пор русская военная печать? – спрашивал барон Врангель своего подчиненного, капитана Василия Васильевича Орехова. – Ничем! Чем она хочет быть? Кое-Чем! Чем она должна быть? Всем!

Загадочная и трагическая смерть вождя белогвардейцев в 1928-м году, очень напоминая отправление, временно разрушила планы капитана Орехова, и только в феврале 1929-го вышел в свет первый номер первого военного вестника русской Белой эмиграции – журнала «Часовой». Проекту горячо сочувствовал преемник барона Врангеля на посту главы РОВСа, генерал Александр Павлович Кутепов, давший Орехову взаймы тысячу франков. Еще полторы тысячи ссудил издателю Железнодорожный батальон Обще-Воинского Союза. Деньги Орехов в срок вернул. Он стал главным редактором журнала, а Е.В. Тарусский и С.К. Терещенко перешли на посты редакторов отделов – первый – литературного, второй –

02/2009

флотского. Полковник Генштаба П.Г. Архангельский возглавил военный отдел, В.В. Полянский – политический.

С первого, пилотного номера русский военный вестник начал пробуждать в эмигрантах, трудившихся ради хлеба насущного в нелегких, зачастую негостеприимных, условиях, веру в несокрушимый русский дух, в спасительную Христову веру, утешающую и укрепляющую наших людей в изгнании, веру в то, что Белое движение не должно отойти в историю, а стать целью их общего настоящего и будущего. «Часовой» не был официальным органом РОВСа, но по духу был созвучен с ним полностью.

«Ваш журнал, как вечевой колокол, неустанно твердит нам о нашем военном долге перед Родиной, он постоянно повторяет нам, что единственной целью нашего эмигрантского существования должно быть стремление к борьбе за Родину. Как бы ни были ничтожны наши материальные возможности, – писал вице-адмирал Кедров, – дух должен быть силен и победа будет возможна!»

И «Часовой» верил в победу, опираясь на славные страницы русской истории, на великие примеры того, как спасалась и возрождалась древняя Русь, Московия, Россия под ударами многочисленных, могучих врагов.

Он писал о 9,5 месячной обороне Порт-Артура, и о западно-русской крепости Осовец, *целый год* стоявшей насмерть против армии кайзера Вильгельма, о взятии генералом Селивановым Перемышля в 1915-м году и Эрзерума генералом Юденичем в 1916-м, он писал, как вице-адмирал Александр Колчак загнал германо-турецкий флот в пролив Босфор, выиграв войну на Черном море. Как потом, в обезумевшей, запыхавшей бредовой гражданской бойней России считанные белые полки и дивизии с 1918 по 1923 год сражались с миллионной Красной армией... «Читая о славном прошлом, мы будем увереннее смотреть в будущее!»

Журнал писал о русской батарее Национальной гвардии Нью-Йорка, о русском отряде в Шанхае, о наших офицерах под командованием генералов Эрнста и Беляева, которые помогли Парагваю выиграть войну с Боливией, о 72 русских добровольцах, сражавшихся в войсках генерала Франко «за испанское Белое Дело...»

На его страницах – фотографии русских институтов и музеев, скаутских лагерей и сокольских отрядов, русских храмов и памятников – от Чили до Австралии, от Канады до Китая. На них – лица наших соотечественников, веривших в Россию до смерти, не сдавшихся до конца. Для «Часового» писали лучшие перья Зарубежья – Петр Краснов, Борис Штейфон, Марианна Колосова, Арсений Несмелов, Мария Волкова, Георгий Моисеев.

«Часовой» повторял, что не может вовсе погибнуть народ с ТАКОЙ историей, что его помра-

чение временно, что он не предаст навсегда ни Александра Невского, ни Дмитрия Донского, ни Сергия Радонежского, ни Петра Великого, ни Суворова, ни Багратиона. Когда через много лет вспыхнет вторая великая война, новые власти России, спасая себя, вынужденно напоят народ про них, про грозные века нашей истории. И народ, ничего не забывший, вместе со своими героями разобьет новых страшных врагов. А память о Великой России отобрать у него снова уже не удастся.

Двадцатые, тридцатые, сороковые... А «Часовой» стоял, то в гусарской, то в пехотной, то в матросской форме на титульных листах. Не сдавался, не бросал поста и смотрел на восток – когда придет разводящий со сменой? Умер в тридцать пятом заведующий морским отделом Терещенко... Журнал закрывали гитлеровцы, – а он снова воскрес после войны. Покончил с собой в беженском лагере Тарусский, не желая дожидаться выдачи Сталину.

Двадцатый век перевалил за середину. Блокада Берлина... Корея... Карибский кризис... Вьетнам...

В небо уходили реактивные лайнеры и космические корабли, а русский белый солдат не покидал своего поста, охраняя свои знамена, свою память, смысл жизни Зарубежной России. А журнал не только не умирал – проникал в СССР сквозь препоны таможни и барьеры КГБ. Там его читали, в редакцию приходили ответы!

Сидели, дряхлели соратники Корнилова, Деникина, Врангеля. А русский часовой держался! Корреспонденты журнала брали интервью, писали очерки на баррикадах Будапешта 1956-го года и Праги 1968-го, обращались к советским солдатам в Афганистане, призывая их не выполнять преступные приказы.

Василия Васильевича Орехова не стало 6 июля 1990 года, когда Горбачев уже объявил о провале и конце красной, классовой доктрины.

БЕЛЫЙ ЧАСОВОЙ ДОСТОЯЛ.

Вспомним стихи Марианны Колосовой. Это – о нём...

*Пылала Русская Держава,
Пожар полмира озарял...
Но не погибла наша слава
И флаг трёхцветный не упал.*

*Мы унесли его отсюда
И никому не отдадим.
Как честь свою, как веру в чудо,
Мы знамя Русское храним!*

*Героям солнце светит в очи.
Пути иные, цель – одна.
Пусть у храбрых жизнь короче,
Им слава вечная дана...*

Борис Бедросьян

Пейзажи в творчестве художника Дмитрия Евтушенко

Сегодня любителей искусства радует нечастое появление «нераскрученных» молодых авторов, вышедших из российской академической школы и имеющих самобытный почерк. В этом ряду стоит творчество Дмитрия Евтушенко – современного молодого московского художника, выпускника московской средней художественной школы (1993 г.) и Российской академии живописи, ваяния и зодчества (1999 г.).

Творчество Дмитрия было представлено на персональных выставках в Центральном Доме Художника, культурном центре Посольства Литвы (1999–2006 г.г.), в выставках художников в Манеже, ряде галерей Европы (2003–2005 г.г.).

Дмитрий Евтушенко работает в присущей ему сдержанной манере письма, отбирая лишь то, что максимально передает его состояние и настроение, преображая повседневность в художественный образ с внутренней энергетикой, сохраняя принцип узнавания и «портретности».

Им созданы прекрасные портреты Фредерика Шопена, Анны Ахматовой, Иосифа Бродского, Илзе Лиепы, Ларисы Богораз, Ольги Арефьевой, Виктора Шендеровича, возможно единственный прижизненный портрет Игоря Моисеева. Но мне хочется рассказать о Д. Евтушенко, как о мастере городского пейзажа. Его полотна с закоулками, старыми камнями и облупившимися стенами, обиженными ветром и дождем не одну сотню лет, как будто передают их предостерегающий монолог, обращенный из прошлого в настоящее. Его урбанизм очеловечен, а городские виды можно считать портретами со следами пережитого, с морщинами-трещинами изъеденных временем старых городских стен, изношенной одеждой облупившейся краски, уставшими глазами окон и вечной тайной – тайной прожитой жизни. Но они добры и рожают тепло, как бывают добры старики, все повидавшие и все понимающие. Эти пейзажи воспринимаются ностальгически, а безлюдная среда хранит незримое присутствие человека, в них хочется быть, бродить по этим местам, плыть по воде каналов, созерцать, мечтать и думать. Его работы не измельчены выписанными деталями и, обретая свободу, активно передают нам испытанное им чувство.

Вот некоторые из них. Незамысловатая реальность и колорит его «Парижского дворика» ощущается до степени тихого звучания аккордеона. Венецианские пейзажи Д. Евтушенко меньше всего на-

поминают полотна Каналетто. Невероятно фактурные виды города занимают особое место в его творчестве. Наполненные мистикой, они завораживают, будь то «Дворик Берлендис», «Кампо Деи Мори», «Лидо», «Сан-Джорджо», «Снег в Венеции», «Фондаменто де ля Колонете», «Венецианское утро», «Мизерекордия», «Траттория», «Дворик Тинторетто» и др., невольно ассоциируются с кадрами старого итальянского кино, и мы чувствуем этот прекрасный город сладкой тоски. Мы видим старинные уголки, потрескавшиеся стены и воду Венеции. Его пейзажи – очеловеченная поэзия, написанная кистью и красками на холсте, «цепляющая» нас загадками нового взгляда на эти следы времени, автор показывает нам этот легендарный город в новом для нас, печальном, поэтичном и музыкальном звучании. В картине «Дворик Берлендис» камень мостовой течет, как вода в канале, сквозь анфиладу задавленных временем, старых кирпичных стен с облезшей штукатуркой, арками, никчемными пробоинами-окнами, имея оправданием лишь уст-

ремление к свободе водного простора в конце перспективы. Фантастический «Снег в Венеции» почти сюрреалистичен, роднясь с Петербургом. В работе «Сан-Джоржио» причальные сваи слились в прощальных объятиях посреди лагуны. «Венецианское утро» пустило свет в теснины между стенами домов, выросших из воды, удивляя нас наличием обычной жизни в этом загадочном городе, а случайное распятие из досок в проеме окна, («Фондаменто де ля Колонете»), тихо хранится в сердце этого города каналов.

Пейзажи Вильнюса у Д. Евтушенко также трогательны и проникнуты лёгкой грустью, с их пасмурным балтийским небом, старыми домами и уголками («Старый Вильнюс», «Уголок старого Вильнюса», «Белье», «Улочка в Вильнюсе» и др.). Виды Вильни, неспешно несущей свои холодные воды к старинному костелу, не избалованные солнцем, теснящиеся по ее берегам в долготелней очереди, ветхие дома и безлистые деревья рисуют тихий и простой мир («Набережная Вильни», «Вильнюс зимой»). Вот облупившаяся стена старого сарая с шапкой снега и свисающих сосулк смотрит на нас, что-то шепча ввалившимся ртом. Едва видный сквозь молочный туман падающего снега костел застыл на морозе («Вильнюс. Зима»).

Москва – родной город художника, воспринимается им отлично от других городов во всей остро-

те повседневности. Этот «овавилоненный» город очеловечивают простые люди. Щемящей сердце любовью и поэтической интимностью одиночества наполнена его работа «Дождь». Здесь, на фоне до боли родных видов ночного города, хочется грустно бродить под осенним дождем. Автор дает узнаваемые знаки времени, воспроизводя их в доходящей до карикатуры, отталкивающей правде, доведя накал до «бульдозерной» беспощадности. Во всей бесчеловечности комедии нашей жизни личная драма буднично тонет во всеобщем хаосе и разрухе («Почтовые ящики»). В работах «В лифте», «Метро» ранимая индивидуальность противостоит реалиям жизни. Шокирующая неустроенность при скверной погоде, объятия на платформе и импровизированный туалет в переходе – здесь все происходит под пристальным контролем городских глаз-окон. («Московская окраина. Станция»). Его последняя работа «Детство. Чертаново. 1978.» сочетает воспоминания и невероятную нежность. Безнадежная серая тоска пейзажа с унылым панельным домом советской постройки усилена его отражением в луже и выползшим, как жук на газон, допотопным цементным люком, и озарена вброшенным золотом увядающей листвы, укывшей и лужу, и газон, и крону рябины с яркими пятнами ее гроздьев. Воздух картины напоен сырým дыханием «унылой поры». И в нем почти висит стоящая в луже фигурка ребенка, трогательная, трепетная и незащитная, притягивающая к себе внимание зрителя, становящаяся центром всей композиции, обогащающая ее внутренним светом. На его крохотной фигурке в светлом клеенчатом плащике с капюшоном и резиновых сапожках выделяются обнаженные лицо и руки, обращенные к живой природе и деревьям. Он стоит спиной к своему скучному дому, являясь его единственным оправданием. Картина по строю и облику, вроде бы, отражает уже минувшую эпоху, но еще жив этот дом и дворик.

Импрессионистическими этюдами можно считать городские пейзажи Вюрцбурга, с мостами через Майн и пейзаж «Лестница. Вид на крепость Мариенберг».

Особенный интерес представляют его графические наброски и зарисовки, сделанные художником буквально на ходу. По его путевым блокнотам, можно проследить маршруты по странам и городам, которыми он бродил. Быстро схваченным образом эти наброски привлекают внимание, а взаимодействие архитектуры и ландшафта объединяет их в единый художественный замысел, для возможной будущей картины.

Будучи сложившимся художником-урбанистом, живописец почти не включает человека в свои многоликие города, косвенно очеловечивая их тем, и, делая нас сопричастными своему творчеству.

Друзья и читатели «ПОСЕВА» поздравляют

ИВАНА БУРКИНА

старейшего поэта второй эмиграции и многолетнего участника журнала
«ГРАНИ»

с его 90-летием

и желают ему здоровья и сил.

«Две России XX века»

ПРЕЗЕНТАЦИЯ УЧЕБНИКА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

13 января в одной из петербургских гимназий состоялась научно-практическая конференция учителей истории «Советский период в истории России: точки зрения современных историков». Конференция была посвящена презентации книги «Две России XX века. Обзор истории 1917–1993», подготовленной к печати группой российских авторов (Борис Пушкарёв, Кирилл Александров, Сергей Балмасов, Вячеслав Долинин, Василий Цветков, Юрий Цурганов, Александр Штамм) и изданной в рамках совместной программы просветительским партнёрством «Посев» (Москва – Франкфурт-на-Майне) и Конгрессом Русских Американцев (США). Организация мероприятия принадлежала заслуженному учителю России Юрию Рябову – одному из ведущих петербургских методистов по работе с учителями Центра истории и обществознания Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования.

Конференция открылась вступительным словом Юрия Рябова, рассказавшим о современном тревожном положении в преподавании отечественной истории в российских школах, особенно в свете последних инициатив по фактической реабилитации Сталина в массовом общественном сознании и в связи с изданием учебников истории, в которых Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) представляется читателям «эффективным менеджером» советского государства, «незаурядным управленцем, обеспечившим победу СССР во Второй мировой войне».

В перечне достоинств представляемой книги Рябов особенно отметил её насыщенность малоизвестными широкой аудиторией фактами.

Затем с докладами по отдельным проблемам, затронутым в книге «Две России XX века», выступали соавторы: старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета и кандидат исторических наук Кирилл Александров («Власть и общество в 1930–1940-е годы») и член правления Санкт-Петербургского общества «Мемориал», бывший политзаключенный Вячеслав Долинин («Диссидентское движение в СССР»). Большой резонанс вызвал доклад профессора Санкт-Петербургской Духовной академии (СПбДА), магистра богословия и кандидата философских наук протоиерея Георгия Митрофанова («Трагедия Церкви в истории России XX века»), подчеркнувшего актуальность изучения советских репрессий против Церкви и последствий богоборческих гонений. Протоиерей Георгий Митрофанов сообщил, что 40 экземпляров книги «Две России XX века» поступили в библиотеку СПбДА для семинаристов.

В итоге на презентации 130 петербургских учителей получили книгу «Две России XX века» в качестве пособия по отечественной истории. Ещё 30 лучших школьников получат книгу весной 2009 года – ими станут победители творческого конкурса исследовательских работ, который ежегодно проводится в Санкт-Петербурге среди учащихся старших классов.

(Соб. инф.)

КАЛЕНДАРЬ "БЕЛЫЕ ВОИНЫ"

Цветной большеформатный (40/60) календарь "Белые Воины" на 2009 год, в котором представлены портреты 12 видных офицеров Русской Императорской армии, большинство из которых участвовало в Белом движении: В.О. Каппеля, А.В. Колчака, М.Г. Дроздовского, П.Н. Врангеля, Е.К. Миллера, М.Д. Скобелева, А.И. Деникина, А.П. Кутепова, Н.Н. Юденича, М.К. Дитерихса и Ф.А. Келлера. Процесс создания календаря занял почти десять лет. Все портреты были написаны специально для календаря и книг серии "Белые Воины" тремя художниками – Р. Былинской, В. Мирошниченко и Д. Трофимовым

Цена – 700 рублей (по предоплате)

Сергей Базанов

Верные долгу

В издательстве «Посев» в 2008 г. в Военно-исторической серии «Белые войны» вышла очередная, шестая, книга «Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов». Произошедшие в России в последние десятилетия радикальные изменения требуют переосмысления прежних подходов и поиска новых, способных объективно рассмотреть сущность вооруженного противостояния в годы Гражданской войны. Современный этап развития отечественной историографии этого периода характеризуется решительным отказом от прежних идеологических установок и появлением новых перспективных исследований, среди которых книги, вошедшие в основанную в 2000 г. серию «Белые войны», безусловно, занимают одно из ведущих мест. Подчеркнем, что все работы этого цикла вызвали немалый читательский интерес. Герои прошлых изданий С.Л. Марков, В.О. Капель, М.К. Дитерихс, М.Г. Дроздовский, Ф.А. Келлер – достаточно известные деятели Белого движения, но современный «среднестатистический читатель» практически ничего не знает об их жизни, ратном пути, характере, пристрастиях, так как о «злейших врагах советской власти», как известно, писать было не принято. Лишь скудные строчки в различных советских энциклопедиях и справочниках давали скудные и зачастую искаженные биографические сведения.

Шестая книга серии продолжает знакомить читателя с активными участниками Гражданской войны. В этом выпуске ее героями стали известные лишь узкому кругу историков-исследователей Белого движения три гвардейских полковника – Ф.В. Винберг, Ф.Н. Безак и А.С. Гершельман. Этих людей объединяет многое: все они происходят из известных генеральских семейств, служили в гвардейских полках русской армии, принимали активное участие в деятельности монархической организации «Союз верных».

Основу издания составили ранее не публиковавшиеся дневниковые записи и воспоминания этих военных деятелей, охватывающие период с 1917 по 1920 г. и первых лет жизни в эмиграции. Тексты мемуаров предваряют обстоятельные биографические очерки, написанные составителем и редактором книги А.А. Ивановым и С.Г. Зириным, которые впервые дают развернутое представление о судьбах и взглядах героев книги.

Издание состоит из четырех частей. Его открывает предисловие научного редактора военно-исторической серии «Белые войны» В.Ж. Цветкова. Первая часть книги отведена публикации дневника гвардейского полковника Ф.В. Винберга, который его вел, находясь в Петропавловской крепости в Петрограде в декабре 1917 г. – марте 1918 г. Ей

предшествует весьма информативный очерк А.А. Иванова.

Федор Викторович Винберг родился в 1869 г. Его отец, генерал от кавалерии Виктор Федорович, был участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Винберг-младший пошел по стопам отца. Однако вначале путь к военной карьере был не совсем традиционным. Окончив в 1890 г. Императорский Александровский лицей в Царском Селе, Винберг поступил на службу в Министерство внутренних дел, где более двух лет прослужил чиновником на различных должностях. Однако гражданская карьера не привлекла сына генерала, и, уволившись со службы, он в 1893 г. поступил вольноопределяющимся в 30-й драгунский Ингерманландский полк, где через год был произведен в унтер-офицеры и прикомандирован к Елисаветградскому кавалерийскому училищу. После блестяще сданных выпускных экзаменов он был в 1894 г. произведен в корнеты и направлен в Лейб-гвардии Уланский полк, из которого, дослужившись до чина полковника (1911 г.), вышел в отставку. Однако заслуженный отдых длился недолго. Начавшаяся Первая мировая война вновь позвала его в строй. С 1914 по 1917 г. Винберг командовал 2-м конным Прибалтийским полком. После Февральской революции, не считая возможным изменить присяге, он оставил действующую армию и был зачислен в резерв чинов Петроградского военного округа. В декабре 1917 г. Винберг был арестован. Просидев в Петропавловской крепости, а затем в тюрьме «Кресты», он летом 1918 г. был освобожден и уехал на Украину, где под началом генерала Ф.А. Келлера принял деятельное участие в формировании воинских подразделений для борьбы с петлюровцами. Во время одной из вооруженных стычек с ними был арестован. Затем, в декабре 1918 г. был освобожден и вывезен в Берлин. В эмиграции занимался издательской и литературной деятельностью.

Во вторую часть сборника включены воспоминания полковника Ф.Н. Безака, посвященные в основном периоду гетманства на Украине, которым также предшествует подробный биографический очерк А.А. Иванова.

Федор Николаевич Безак родился в 1865 г. Его отец генерал-лейтенант Николай Александрович принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Сын также выбрал военную карьеру. Первоначальное образование он получил в Нижегородском графа А.А. Аракчеева кадетском корпусе, по окончании которого в 1883 г. был прикомандирован к Пажескому корпусу, и через год, в 1885 г., был выпущен корнетом в Кавалергардский полк. Прослужив в нем 17 лет, в 1902 г. в чине полковника вышел в отставку, посвятив себя общественной

службе. Был почетным мировым судьей уезда, киевским губернским земским гласным, киевским губернским предводителем дворянства, депутатом III и IV Государственной Думы. В годы Первой мировой войны Безак, в силу возраста не будучи призванным в действующую армию, помимо возложенных на него гражданских обязанностей, стал помощником главноуполномоченного по делам беженцев по Юго-западному фронту князя Н.П. Урусова, приложив на этом поприще все свои организаторские способности. После Февральской революции Безак был избран на состоявшемся в Киеве Монархическом съезде главой монархического блока, а в 1918 г. принял деятельное участие в приходе к власти гетмана П.П. Скоропадского. В период гетманства он был членом бюро Совещания членов законодательных палат в Киеве, участником Монархического Особого политического бюро на Украине, входил в состав «Южной группы» (позже влившейся в монархическую организацию «Союз верных»). Вскоре после падения правительства Скоропадского уехал в Берлин, где возглавил Русский комитет и продолжил сотрудничество с «Союзом верных». Затем жил в Дании, Франции.

Третья часть книги содержит воспоминания гвардейского полковника А.С. Гершельмана, повествующие о первых годах эмиграции – 1-м и 2-м Монархических съездах, состоявшихся в Германии (1921 г.) и Франции (1922 г.). Их открывает всесторонне освещающий все вехи жизненного пути Гершельмана очерк С.Г. Зирина.

Как Ф.В. Винберг и Ф.Н. Безак, Александр Сергеевич Гершельман (1893 г.) происходил из потомственных военнослужащих. Его отец Сергей Константинович по праву считался одним из лучших боевых генералов Русско-японской войны. Сын в 1907 г. поступил и в 1913 г. окончил пажеский корпус, был произведен в подпоручики и прикомандирован к лейб-гвардии Конной артиллерии с одной из батарей, с которой прошел всю Первую мировую войну. Гершельман был награжден Георгиевским оружием,

дослужился до чина капитана и после демобилизации в январе 1918 г. возвратился домой в Петроград. Затем при попытке уехать на юг России с целью вступления в Добровольческую армию был арестован в Москве, где около полугода содержался в Бутырской тюрьме. После освобождения вернулся в Петроград, откуда в мае 1919 г. нелегально прибыл в Эстонию и вступил в ряды Северного корпуса (впоследствии Северо-западная армия), где командовал артиллерийской батареей, получил чин подполковника, затем полковника, в одном из боев был ранен. После лечения уехал в Гельсингфорс, где к тому времени находилась его семья. В январе 1921 г. прибыв в Германию, участвовал в работе 1-го Монархического съезда и был избран членом Высшего монархического совета, затем участвовал в подготовке и проведении 2-го Монархического съезда в Париже в 1922 г. С 1925 г. жил в Австрии, в 1948 г. переехал в Аргентину, где принял участие в деятельности ряда благотворительных организаций, сотрудничал с редакцией журнала «Военная быль».

Заключительная, четвертая, часть «Справочные материалы» содержит весьма информативный «Краткий биографический справочник упомянутых в книге лиц», составленный А.А. Ивановым и С.Г. Зириным, а также именной указатель, список сокращений, список источников и литературы, что, несомненно, придает работе энциклопедический характер.

И, наконец, завершает данный выпуск серии публикация новых документальных материалов о В.О. Каппеле, разысканных Р.Г. Гагкуевым и В.Ж. Цветковым уже после выхода в свет работы «Капель и капшелевцы», что является прекрасным дополнением к книге о генерале, вышедшей в 2003 г.

Очередной выпуск серии, несомненно, будет интересен широкому кругу читателей – историкам, работникам музеев и архивов, учителям, студентам, всем интересующимся историей гражданской войны.

Виктор Леонидов

Олег Ильинский (1932–2003)

О.П. ИЛЬИНСКИЙ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ. ФИЛАДЕЛЬФИЯ: «ВСТРЕЧИ», 2007

Таких, как Олег Павлович Ильинский, называли людьми Возрождения. В отличие от многих других, к месту и не к месту показывающих свою эрудицию, Олег Павлович действительно буквально жил культурой прошедших веков. Казалось, он шагнул из салонов Серебряного века, словно впитав в себя историю искусств, философию и поэзию. Он все время искал синтез – и в стихах, и в литературоведческих статьях.

*Меня водили в детстве под аркады,
Античный фриз держал меня в плену,
Пинакотеки красочная радость
Меня вела от камня к полотну.*

Так он вспоминал о Мюнхене, куда попал в 1944-м. Любовь к прекрасному привили родители – отец был специалистом по эпохе Возрождения, мать – по древнерусской иконописи. Естественно, в сталинской Рос-

02/2009

сии им было сложно полностью реализовывать свои профессиональные знания. Но трагедия изгнания открыла эту возможность для их сына.

Он слушал лекции Степуна в Мюнхенском университете, очень много читал и очень многое старался увидеть. В музеях он проводил целые дни, несмотря на последствия тяжёлого заболевания.

В 1956 году он переехал в США, где получил степень магистра на философском факультете Нью-Йоркского университета, а в 1970 стал доктором, защитив диссертацию «Некоторые проблемы русского романтизма. Опыт исследования на материалах В. Одоевского».

Стихи Олега Ильинского часто появлялись на страницах русских изданий в Америке и Европе. Свои произведения он включал во все антологии поэзии русского изгнания – «На Западе», «Муза Диаспоры», «Берега». Как писала Людмила Алексеева, у него всегда была «...одухотворенная связь вечно молодой природы с человеческим прошлым Европы, страшным и пленительным». Поэзия Ильинского была и остается сплавом самого высочайшего поэтического мастерства и эрудиции.

*А я за все благодарю,
За ласточку в окне высоком,
За непоблекшую зарю,
За строгий блеск фламандских стекол.*

Намного менее известен Ильинский эссеист. Автор глубоких, продуманных, хотя иногда и сложных для обычного читателя статей по истории русской литературы, которой он верно служил всю жизнь.

Несправедливость эту сегодня исправила вдова Олега Павловича Татьяна Федоровна. Недавно в издательстве «Встречи» в Филадельфии она выпустила книгу Олега Ильинского «Литературные очерки».

Здесь статьи о Лермонтове и Андрее Белом, о религиозно-романтической образности лирики Лермонтова, блестящий очерк о Павле Флоренском и работа об Анне Ахматовой. В книгу включены также рецензии на книги Валентины Синкевич и Дмитрия Кленовского, очерки о Набокове и Бердяеве. Завершает сборник великолепная статья Екатерины Брейтбарт «Человек умирает – от него остается вселенная».

Всем, кому дороги наша история и культура, еще долго предстоит осваивать вселенную Олега Ильинского. Прекрасного поэта и глубокого мыслителя, одного из немногих, кто писал на перекрестье самых разных направлений – литературы, философии и истории искусств.

От редакции. Олег Ильинский был членом НТС.

Последний солагерник Солженицына

21 января 2009 г. в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» состоялась презентация книги Виктора Левенштейна «По-над нарами табачный дым...» Книга вышла в издательстве фонде «Русский путь» в серии фонде «Наше недавнее. Всероссийская мемуарная библиотека», основанной Александром Солженицыным

«Эта серия, которой мы по праву гордимся, была передана нам парижским издательством «УМСА-Press», – сказал, открывая презентацию, директор Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» и издательства «Русский путь» Виктор Александрович Москвин. – В общей сложности двумя издательствами было выпущено 25 книг серии.

Эту книгу я прочел еще в рукописи. Она захватывает и не отпускает от первой до последней страницы. Возникает ощущение, что автор рядом, даже не чувствуется, что между нами есть книга-посредник». В своем выступлении Виктор Матвеевич Левенштейн поблагодарил редактора серии Наталью Дмитриевну Солженицыну, Виктора Александровича Москвина и свою супругу Дору – «первого редактора книги и советчика», которой и посвящена книга.

Мемуарам Виктора Левенштейна предшествовала книга, написанная им о своем отце, который также был арестован и не вернулся из лагерей. «Увидев, что это мне удалось, я решил рассказать о своей судьбе и судьбе невинно осужденных вместе со мной

двенадцати блестящих молодых людей, которыми страна должна была бы гордиться, а также о трех замечательных ребятах, которые не вернулись, о том, как были искалечены судьбы людей просто так». По словам автора, его побудило написать книгу то же, что двигало и Александром Солженицыным: донести до людей судьбу тех, кто уже никогда не сможет рассказать о себе. «В самых райских уголках земли, где мне довелось бывать потом – в Швейцарских Альпах, где-нибудь на берегу Карибского моря, – везде помнил я о лубяньских следовательских кабинетах, о бессонной мороке в лубяньском боксе, о голодных этапах, о вонючих камерах в пересыльных тюрьмах... и о бесконечных унижениях».

Президент Русского Общественного Фонда Александра Солженицына Наталья Дмитриевна Солженицына рассказала об истории возникновения серии и зачитала отрывки из воззваний писателя, с которыми он обратился к русским эмигрантам, призывая их писать и присылать ему воспоминания для изучения и последующей передачи в Россию.

Это только третья книга о ГУЛАГе в рамках серии. Подчеркивая уникальность мемуаров Виктора Левенштейна, Наталья Дмитриевна сказала: «Когда Хрущев распустил ГУЛАГ и когда казалось, что можно писать, сразу было написано довольно много книг о ГУЛАГе: это был Дьяков, Шелест и другие, потом уже пришли Солженицын, Шаламов. Это была вспышка, которую

погасить никто не смог, но припугнуть смогли и очень быстро. Писатели успели опубликоваться, а те люди, которые не дерзали и писали мемуары для своих детей, если и написали воспоминания, то, я думаю, уничтожили их, потому что они даже теперь не всплыли. А когда стало уже совсем можно, в конце 80-х, я думаю, что большинство уже умерло. Таких людей осталось очень мало, и таких воспоминаний мало, и наша серия обогатилась замечательной книгой».

Народный артист России, профессор Школы-студии МХАТ Эмиль Григорьевич Верник, размышляя о ценности книги, сказал, что «многие сейчас даже уже не представляют, что все это могло быть».

Академик Российской академии образования, председатель Археографической комиссии РАН Сигурд

Отгович Шмидт отметил, что воспоминания написаны естественным неиспорченным русским языком и что в них отразился образ речи московских интеллигентов того поколения. «Книга останется надолго как очень честная, написанная без всякого позирования и взгляда сверху», – сказал он в заключение.

«Я думала, что буду читать книгу из чувства долга, но я ее прочитала от корки до корки за три вечера, – рассказала на презентации биограф Александра Солженицына Людмила Ивановна Сараскина. – В книге так много честного, пронзительного, это чистая книга честного человека». (Информация с сайта БФРЗ.)

На презентацию были приглашены и присутствовали представители Содружества «Посев».

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

«Имена России, художники, чуть-чуть о газе, и ещё О ВАЖНОМ»

НАБОЛЕВШЕЕ ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЯМ СВОЕНРАВНОГО ЧЛЕНА РЕДКОЛЛЕГИИ

Ну вот, дорогой читатель, завершился не только високосный 2008, но и зимняя разгульная российская пора. Слава Богу! Разумеется, всё остальное проходящее, самое главное завершилось питание «Имя России» – на века из веков именем России стал (с его выбором азиатского пути развития) равноапостольный князь Александр Невский! Ура! Коммунистов победили! Сталин пришёл к финишу третьим! Пропустив на почётное второе место – главную экономическую надежду сегодняшней России, (он же автор «столыпинского галстука»), Петра Столыпина. Всех, желающих поздравляю! Остальным соболезную. Почему? – Станный список у нашей России славных имён. Из двенадцати номинантов только трое приличные люди, у остальных волею исторических деяний и исторической правды на руках слишком много крови. Конечно, не может не радовать присутствие имени Пушкина и Достоевского, хотя здесь уже есть вопрос. Ну, неужели в сегодняшней России не нашлось адвоката защищавшего честь великого писателя более приличного, чем Дмитрий Рагозин – или авторы шоу исходили из созвучия с фамилией героя романа Фёдора Михайловича, или иных писателей в земле Российской уже нет? Хотя, наверное, быть политиком в России 2009 важнее, чем быть художником! Не даром на благотворительном аукционе в С-Петербурге «шедевр» художника В.В. Путина ушёл за 37 миллионов рублей (1 \$ = 35 рублям), дороже Малевича, Саврасова, Левитана и прочих. Вспоминается, что Л.И. Брежнев номинировался на литературную премию за «Малую землю», а «отец народов» (проигравший лидерство России XXI века) –

был знатоком языкознания и почётным членом Академии Наук СССР, да к стати его интересы представлял Герой Советского Союза, генерал-ГКЧПист В. Варенников – здесь всё логично. Но простите за отвлечение, видимо кризисом навело. То, что в шорт-листе был Д. Менделеев – видимо можно объяснить только национальной любовью к Русской Водке! Ну не верю, что все срочно вспомнили таблицу Менделеева, забыв Ломоносова и Лобачевского, и Попова, и Тимирязева, и Мичурину, Вавилова, Вернадского и прочих нобелевских лауреатов, коих земля российская рожала в прошедшие века. Не было в шорт-листе ни композиторов, ни режиссёров, ни самого Толстого (ну хоть какого-нибудь), ни музыкантов и артистов великого русского балета, ни художников и спортсменов, вообще одни политики и воители – и это портрет прошлого России или это прогноз её будущего? Так и хочется спросить словами великого писателя юбиляра, соединяющего, а не разъединяющего Украину и Россию – Гоголя – «Куда летишь ты птицатройка? Куда летишь ты Русь?»

Да, кстати, когда в Газпроме работали специалисты, он выполнял все обязательства, по контрактам несмотря, ни на что и в 1986, и в 1991, и в 1993, и в 1998 годах, а нынче? Видимо специалисты по всем вопросам, победители шорт-листов и аукционов, рейтингов и выборов добрались до самой главной экономической платформы России. Бог с ней, с культурой, с наукой, с образованием, но без экономики грамотной как жить дальше? Да не людям, они привыкли «выживать»! Государству – имя, которому Россия! Равное среди равных.

02/2009

Пока этот материал вылёживался, произошли ещё события в истории России, о которых позволю себе несколько слов очевидца.

Наступила новая эпоха Православия, эпоха Кирилла! Собор сделал свой выбор – Слава Богу! Дай Бог Патриарху мудрости, доброты и помощи в свершениях!

Кирилл молод, энергичен, учён и опытен в делах церковных и мирских, объехал почти всю Россию и мир, неоднократно встречался с «сильными мира» сего от Фиделя Кастро до Римского Папы. У него много последователей и помощников. Он руководил разработкой «Концепции социальной политики Церкви» и её Международными контактами, он «нюс-мейкер» и один из наиболее часто вещающих в СМИ пастырей, как по делам божественным, так и по делам мирским. Он вхож... Ну что ещё надо для России и мира. Да, в общем – ничего.

Однако жаль, и об этом не могу, не считаю возможным молчать, особенно для тех, кто не добрался до Москвы и не видел всего своими глазами. Жаль, что Собор и Храм Христа Спасителя окружали войска, милиция и грузовики, перегораживающие дорогу и отсекающие простых мирян от церкви. Жаль, что в СМИ велась борьба как во время депутатской кампании с обвинениями, оскорблениями, угрозами и поношениями, ну совсем как в нашем – политическом быту. Жаль, что странен и разношерстен список мирян допущенных к «святым святым» – выбору Патриарха. Жаль, что всё в такой спешке. Жаль, что выбор достойного, сделан почти по той же схеме, что и выбор Президента. Жаль, что демонстрирующие за выборы с транспарантами и хоругвями стояли под ногами классика коммунизма Фридриха Энгельса. Больно, забавно и нелепо читались под его заснеженным взглядом лозунги о Новой и Сильной Вере и Церкви. Так и хотелось спросить: это что же считается новым и сильным?! Жаль, что с этими лозунгами стояли странно соединённые в этом месте группы. Молодцеватые, краснолицые «казаки» с царскими орденами. Старушки с нестройным песнопением псалмов, (привычные для госучреждений Москвы), которые они любят обхаживать молитвенными ходами. «Бритоголовые молодцы» – в чёрной одежде с черепами на вязаных шапочках, скрывающие свои лица, (известные москвичам и гостям столицы, увы, не только по милицейским хроникам). Радостные девушки, ну совсем не церковного вида, часто стоящие под знамёнами «Наших» и «Молодой гвардии». Неужели только они, представители «новой и сильной веры» и России?

И ещё, о чём молчать нельзя! Совсем плохо, что в праздник Крещения в ста метрах от Храма, от Собора, среди люда, среди бела дня, напротив церковных лавок убивают людей выстрелом в затылок, и НИКТО НИЧЕГО НЕ ВИДИТ! И это накануне Собора, у Собора, пред Соборным людом.

Дай БОГ, чтобы новый ПАТРИАРХ помнил обо всех и всё видел!

Бог в помощь Патриарху, всем читателя и нам продолжать наше скромное дело.

Почти, простой читатель «Посева» (последние лет сорок)

Григорий Амнуэль

P.S.: Да, для любопытных, в большинстве шорт-листов европейских стран политики занимают малую толику, а в основном в них великие люди прославившие своё отечество бесспорно и в веках. В не зависимости от учебника истории, который конечно можно бесконечно переписывать в чью-то угоду. (Гёте, Вагнер, Шекспир, Моцарт, Шопен, Мицкевич, Петефи, Мольер, Гюго, Пиаф, Брель, Лопе де Вега, Колумб, Леонардо да Винчи, Паваротти, Карузо, Калласс, Магеллан, и.т.д. и.т.п.)

Комментарии:

Текст Григория Амнуэль в качестве статьи опубликован в «Посеве» быть не может. Наш журнал имеет исторически устоявшееся и достаточно чёткое лицо. Это касается всего: и стилистики, и системы приоритетов и авторитетов. И спектра возможных для публикации у нас идей: оставим людям вполне невежественным представлению, что всякий свободный журнал обязан публиковать всё.

Так вот, по любому из названных и неназванных выше параметров этот текст «Посеву» ПРОТИВОПОЛОЖЕН. Развязный тон, глумливые шуточки про «Русскую Водку», Столыпина, Менделеева. Александр Невский, «выбравший азиатский путь» (вместо того, верно, чтобы добровольно и с песнями пойти под немецких рыцарей. Такой «выбор» пришлось сделать прибалтам – поинтересуйтесь у них, во что обошлось).

Надеюсь, можно не продолжать. Повторю главное: вопрос о публикации таких – очевидным образом противоположных нам – статей надо раз и навсегда закрыть. Независимо от их качества: ЭТО – НЕ НАШЕ. Спектр – он до бесконечности не простирается.

И – о малосущественном на фоне сказанного выше. Эта статья для серьёзного журнала просто плоха. Бойкость авторского пера этого положения не меняет.

Валерий Сендеров

В письме, которое написал Амнуэль есть возмутительные, а порой просто глупые моменты, но печатать его НАДО, чтобы дать нашим читателям более полную картину событий. Чтобы не войти в фарватер лакировки. Комментарий от редакции надо усилить. Можно сказать, что мы 60 лет печатали слова Александра Невского на обложке «Посева», и всегда чтит А.П. Столыпина, что Путина на аукционе ценили как знаменитость, а не как художника, но что на обратную сторону сегодняшней действительности, освещенную автором, не надо закрывать глаза.

Борис Пушкарёв